

Мынымбай Журмаганбетов

ЗМЕИНЫЙ ЯД

Часть вторая

ПЕЧАЛЬ ИВЫ

1

После обеденного чая Алдияр лег на старое лоскутное одеяло, постеленное на почетном месте. Старое – мягко сказано, оно уже давно истрепалось, вата торчала из дырок. Алдияр утешал себя, что это был обеденный чай. А на самом деле он лишь разогрел воду в самоваре, оставшуюся от завтрака, бросил туда щепоть самого дешевого чая, выпрошенного в магазине на железнодорожной станции, и забелил густым молоком коровы с белой отметиной на лбу, которая, к его счастью, рано отелилась, – но разве не привык он так находить выход из положения? Даже подсохший хлеб со стола размягчало и делало податливым для его зубов это самое густое молоко коровы с белой отметиной на лбу. «Что бы я делал, если бы моя коровка не отелилась?» – подумал Алдияр, глядя через окно, залепленное вкривь и вкось кусками газеты, пожелтевшими от клея, на туман, затянувший улицу.

Туман еще не рассеялся. Не отводя взгляда от мутной пелены, он подумал: «Когда придет Женя, распилим бревно, потом растопим печь». Подсмеиваясь над собой, он хотел было усмехнуться, что уже почти привык называть внука Женей, но настроение от этого не улучшилось. Да как убережешь обросшую клоками седых волос старую голову от вторжения самых разных мыслей?

...А началось это так. Постучав в дверь, сначала во внешнюю, потом внутреннюю, что до него никто не делал, одетый в пеструю разномастную одежду, не похожую ни на городскую, ни на аульную, манерной походкой вошел в комнату паренек. Помнится, старик, глядя на него то ли с подозрением, то ли с удивлением, спросил:

– А, это ты, Жеткерген, милоч?

Парень промолчал, даже не кивнул головой. Казалось, старик говорил со стеной. Алдияр, приложив ладонь козырьком ко лбу, внимательно посмотрел на парня и, убедившись, что это действительно его внук, сказал удивленно:

– Твое имя ведь Жеткерген?

Окончание. Начало в №12, 2019.

Парень, будто до него только дошло, ответил:

– Ну-у...

Сказав это «ну-у», он с безразличным видом глянул на потолок.

– Или ты сменил имя на русское, потому что учишься на русском? – спросил старик.

Парень снова сказал:

– Ну-у...

И ни одного лишнего слова.

– Что ж, тогда скажи свое новое имя... Я хочу знать.

– Ну-у...

– Как твое имя, которое ты взял в долг у русских?

– Ну-у... Женя...

– Жениа-а?

– Ну-у...

– Замечательно, – изрек тогда Алдияр. Затем буркнул, отводя в сторону недовольное лицо: – Лучше бы тебя назвали Ну-у.

Сказал он так, больше обижаясь не на парня, а на свою дочь Бибитай. А теперь вот он и сам, запамятавав настоящее имя внука, в мыслях называет его русским именем.

Ожидая прихода Жени, Алдияр, лежа на боку, размышлял о том, что они вместе распилят бревно, а потом начнут топить старую дырявую железную печь, и, посапывая, задремал.

Проснулся он от холода. Протирая глаза корявыми пальцами, глянул на настенные часы – время было ближе к пяти. Посмотрел в мутноватое окно, по краям которого свисали куски приклеенной газеты. Видимо, из-за полумрака в доме ему почудилось, что туман на улице стал гуще. Он еще какое-то время полежал на старом лоскутном одеяле. Подниматься не торопился, потому что не смог сразу вспомнить, кто он, где и почему здесь лежит. Встав с места, тоже не стал спешить с обдумыванием того, что нужно делать. Вероятно, это все из-за старости, из-за нее, – забыв сделать некоторые дела и вспомнив о них перед сном или уже утром, порой в сильном сокрушении хлопал себя Алдияр по ляжкам. Иногда он забывал подбросить свежего сена на ночь коровам, занести вечером дрова к печи на просушку, положить закваску в теплое молоко... Старик хотел бы не расстраиваться по каждому забытому делу и отделаться прибауткой: «Ой, боже мой... подумаешь...» – но ведь на его жизни и на доме каждое из этих дел, чтоб им, отзывалось отнюдь не мелочью.

На этот раз он рассудил, что Женя может и не прийти домой. Потому что как-то раз он сказал, что нашел друга на железнодорожной станции, и даже приезжал с парнем по имени Пижо на его двухколесном мотоцикле, а через некоторое время, сев на его тарахтелку, укатил и ночевать домой не вернулся. Расспросив местных жителей, Алдияр узнал, что мальчика зовут Пиркожа. Услышав это, он почувствовал себя уязвленным: «Доброе... даже священное казахское слово, до такой степени исказить...» Ему было не по себе.

Занятый мыслями о том о сем, Алдияр, выходя из дома, прихватил у порога топор с длинной рукоятью. Осенью, когда местные джигиты, собравшись вместе, привезли ему целый прицеп дров, Алдияр два-три дня не спеша отбирал среди жердей наиболее прямые. Очистив их от веток, сложил отдельно в углу хлеба и

сеновала с мыслью, что, когда весной уровень воды в реке поднимется и с божьей милостью вода придет в Узынарык, они понадобятся для ограды участка, если, конечно, удастся что-то посеять. Теперь, приняв решение пустить эти жерди на дрова, он искренне сожалел: «Боже мой, такая красивая древесина должна превратиться в дрова...» – и долго смотрел на них, затем положил одну на сморщенный, как лицо столетнего старца, весь в складках коры, чурбан... Что за труд – рубить дрова для человека, который выспался и отдохнул! Алдияр быстро справился с охапкой шестов. Затем отнес дрова в дом и сложил в поленницу возле печи.

Растопленная железная печь быстро нагрела дом. Старик так согрелся, что готов был снять с себя безрукавку из овчины, но тут подумал, что уже пора доить коров, и не стал раздеваться.

При мысли о дойке он вспомнил о жене Шекеркуль, умершей много лет назад, и вдруг в голову полезли воспоминания. Шекеркуль два года лежала, прикованная болезнью к постели, потом скончалась. Вынужденная лежать, она все время пыталась уберечь его от женской работы. Корову доила жена Пирали Акнур, соседка и к тому же родственница, а иногда с другого конца аула приходила помогать жена Токашбая Сырга. В доме было много и других дел, требующих женских рук: нужно месить тесто и печь хлеб, в казан каждый день нужно закладывать еду... Какими бы близкими родственниками они ни были, у них ведь и своих забот по горло. К тому же женщины иногда гостят у своих родственников, ходят по базарам, неделями, а то и месяцами живут рядом с сыновьями или замужними дочерьми. В один из таких дней раздосадованный Алдияр, обиженный на сноху и невестку, сказал: «Сам буду доить!..» – в спешке помыл руки и пошел в хлев, прихватив с собой ведро. Он делал то, что подсмотрел у Шекеркуль: помыл сосцы коровы теплой водой, но корова, словно взбесилась, лягнула его (это была мать нынешней белолобой – не побрыкавшись, она так просто не давалась). Тогда, надев белый фартук, который носила Шекеркуль, занимаясь дойкой, он подошел к корове и стал гладить ее по лбу, шее, крупу, еле утихомирив животное. Попеременно пройдя сосцы коровы, он два раза пустил к ней теленка, и когда, приучив ее, снова начал доить, – молоко полилось ручьем. Быть может, потому, что мужские пальцы были сильнее женских, и на их действия коровье естество отозвалось глубже, или из-за того, что животное прониклось жалостью и милостью к хозяину, дескать, он же мой хозяин, кормит и поит меня, – как бы то ни было, из каждого сосца с журчанием лились тугие струйки молока...

Когда Алдияр вошел в дом с почти полным ведром молока, Шекеркуль, как ребенок, всплеснула руками от удивления. Потом, напившись чаю с молоком, вспотела и, вытирая пот со лба, сказала довольноно: «Ух, как я вспотела от этого чая». Алдияр, не растерявшись, ответил: «Молоко, выдоенное мужскими руками, вкуснее того, что доила женщина. Оно же как лекарство». Шекеркуль улыбнулась, несмотря на то что была больна, – и какой же приятной была ее улыбка! Ее черные глаза наполнились блеском, она так похорошела в тот миг. Или Алдияру так привиделось, кто его знает?

Когда их дочь Бибитай вышла замуж, коров доила Акнур. Иногда она отправляла свою невестку. Когда они обе не приходили, Алдияр не ждал на подмогу никого. Налив теплой воды в ведро для мытья вымени, спозаранку деловито шел в хлев.

Вот и всю последнюю неделю старик сам доил корову. Потому что на следующее утро после того, как Акнур уехала к старшему сыну, который жил в Кызылорде, он заглянул в ее дом, чтобы попросить Бижан, невестку Акнур, подоить коров, и невольно стал свидетелем драки между младшим сыном Акнур Дариябеком и невесткой – Бижан. Это была действительно драка. В руках Дариябека была камча, в руках Бижан – сучок, похожий на вилы... Они молотили друг друга. Муж нещадно матерился, женщина заливалась слезами, но, плача, успевала грубым голосом осыпать и его злыми словами. Их сын, недавно пошедший в школу, метался между родителями, плача и обнимая их за колени.

Случайно открывший дверь Алдияр некоторое время стоял в растерянности, наблюдая за дерущимися, потом ему стало стыдно, дескать, что я, старый, тут делаю, и он тихонько прикрыл дверь. Закрыв дверь, он не сразу пошел к себе домой, а постоял немного, терзаемый мыслями: «Может, мне, как старшему, вмешаться, помирить их? Или лучше держаться в стороне, мол, не буди лиха, пока оно тихо, и уйти к себе домой?» Крики за дверью всё не прекращались. Мало того, в какой-то момент кто-то из них с грохотом упал на пол, к плачу ребенка добавилось еще больше шума и крика, и он, решив, что нехорошо подслушивать возле двери, устыдился и потопал к себе домой. То ли хотел быстрее уйти подальше от некрасивого скандала, то ли со своей белой бородой не хотел быть свидетелем неблагородного дела – как бы то ни было, походка старика скорее напоминала не шаг, а бег в сторону дома. Убегая, Алдияр подумал, сочувствуя не племяннику, а Бижан: «Лишь бы упавшей была не невестка! Если она беременна, им же, глупцам, и в голову не придет, что ребенок может пострадать». Он не посочувствовал племяннику Дариябеку, а, кажется, даже возненавидел его. «Надо же было ему затеять скандал в столь раннее время, напугал всю семью... Э-эх, мерзавец!»

Совсем запыхавшись, он перешагнул порог своего дома, вымыл ведро теплой водой, не забыв оставить воды для мытья вымени, и, успокоившись, направился к хлеву.

После того случая прошла неделя. Старик в тот дом больше ни ногой. Бижан тоже не соизволила прийти по своей воле. Может, ей было стыдно...

Когда старик сегодня заходил в хлев, чтобы подоить корову, и когда шел обратно в дом с полным ведром молока, он думал, имея в виду внезапно загустевший, сырой туман: «Боже, настоящая мгла для вора».

Налив из ведра молоко в казан, он подбросил дров в печь, достал пиалу риса из белой торбы в старом коробе у порога и высыпал крупу на низкий круглый стол напротив входа. Он хотел сварить рисовую кашу для внука. До этого он уже дважды готовил кашу, и всякий раз Женя с удовольствием, выговаривая слово «каша-а», ел ее. Алдияр твердил ему: «Ботка», – но внук настаивал на своем, повторяя: «Каша». Несмотря на то что старик произносил слово чуть ли не по буквам, внук с недовольным видом сухо сказал: «Ну-у», – и старик замолчал.

Было уже поздно. Старик не спеша допил свой чай и стал смотреть телевизор. Потом, включив радио, послушал немного музыки – играла домбра. Жени все не было. «Вот ведь бродяга какой!» – буркнул Алдияр, убирая со стола. Затем подумал: «Ложиться спать или как?» Вспомнил свои же слова: «Боже, настоящая мгла для вора». И заключил для себя: «Человеческая мысль – как подросток, шатающийся без дела. Слоняется туда и сюда».

На самом деле ему было о чем беспокоиться, когда он задумался о ворах. В прошлом году из соседнего аула Жантакты украли двадцать коров, погнали их по лесу, и только через три месяца с помощью гадалок и ясновидящих с трудом удалось обнаружить их в загоне в саксауловом лесу Кызылкума. По дороге у путников сломался трактор, в поисках скота люди дошли до изнурения от жажды и голода... Потом в самом Узынарыке Сагынжан, сын Журки, лишился семи баранов, Токашбай – вола, которого собирался забить. Они переживали очень сильно. Этот скот так и не удалось отыскать. Знаменитый ясновидящий из Туркестана сказал Токашбаю и Сагынжану, привыкшим, чуть что, мчаться к нему с вопросом: «Вашу скотину давно уже зарезали и продали».

Эти воспоминания, ворвавшиеся ни с того ни с сего в голову, сильно напугали Алдияра. Напуганный, он подумал: «Пойду, проведу скотину, потом лягу спать», взял фонарь, надел безрукавку, потянулся за калошами у входа – одним словом, засуетился. Мелькая лучом фонаря, он пересчитал всех баранов, коз, коров в хлеву. Проверил и коня. Все были на месте.

– Вам все время мало сена, подложишь утром – к обеду нет, подложишь в обед – до вечера не хватит... Почему бы не сказать себе: «Съем только половину», а-а? – забурчал Алдияр себе под нос и все-таки подбросил коровам свежего сена, затем пошел домой и постелил постель для Жени.

Свет выключил, но не смог заснуть сразу. Уже много лет держалась у него такая привычка. Стоило только лечь в постель и коснуться головой подушки, как к нему, беря в плен, со всех углов слетались самые разные мысли. Ему оставалось только удивляться, как это так быстро все эти мысли собирались в его голове и какими же бесконечными они были...

Он ворочался с боку на бок, – бог знает, сколько раз пришлось ему так перевернуться, – как вдруг снаружи залаял Алапар. Как только собака залаяла, он собрался подняться, но все же не захотел покидать теплую постель: в доме уже стало холодно. Через некоторое время собака залаяла ожесточенно, потом ему показалось, что лай отдаляется. «Наверное, кто-то мимо дома проходил, – успокоил себя Алдияр и снова укрылся верблюжьим одеялом. – Если бы собака лаяла на Женю, то почему же он не заходит в дом?.. Наверное, действительно кто-то мимо проходил...» Но вспомнив о Жене, он стал беспокойно посматривать в окно. Сейчас ночь... Туман... Боже, что же можно в такую тьму увидеть в окно! Алдияра встревожила мысль: «Закрыл я курятник или нет? Ой, боже мой, как всегда, подводит моя память, вечно забываю обо всем», – досадуя, он быстро стянул с себя верблюжье одеяло и поднялся с места. Беспокоясь о птице, он принялся искать ушанку и куртку, носки и калоши. «Видимо, это был шакал, который кружил вокруг курятника. Вот, значит, почему собака начала лаять...»

Одевшись на ходу, в спешке он вышел во двор. Алапар, будто ждавший появления хозяина, стоял у двери. Повернув голову в сторону хлева, пес взлаял еще два-три раза и завилял хвостом. Но все мысли Алдияра были заняты другим. Шлепая калошами, он торопливо дошел до курятника. Дверь была закрыта. Изнутри слышалось кудахтанье птиц, испугавшихся лая собаки. «Вон оно что! – подумал старик, освещая фонариком защелку двери. – Каким бы старым я ни был, а все же не забыл закрыть... Вон оно что...»

Выключив фонарик, он заметил, что туман все еще стоит стеной. Опять, словно черт шепнул на ухо, подумал: «Господи, настоящая воровская ночь».

Прислушался... Тишина. Из хлева не слышно ни мычания, ни посторонних звуков. Но собака снова стала лаять в сторону хлева. Старик подошел ближе и заметил, что наружная дверь хлева открыта. Алдияр больше охватил страх, нежели удивление. Перешагнув порог, он увидел свою черную корову. Странно, но обычно стоящая в углу, ближе к яслям, корова сейчас находилась рядом с дверью, будто ожидала его. Сказав корове: «Ой-й, животинка!» – Алдияр опять включил фонарик. Свет упал сначала на хребет коровы, потом на лицо рыжего кучерявого паренька... Старик хотел сказать: «Кто это?» – но осекся. То ли потерял дар речи от страха, то ли с ним случилось что-то другое, непонятное и необъяснимое... В этом рыжем кучерявом Алдияр сразу узнал Пижо. Он не мог его не узнать. Когда впервые довелось ему увидеть ни на что не похожее неприятное лицо Пижо, он даже подумал: «Надо же, какие на свете бывают...» Но не подал вида, так как внук представил Пижо как своего друга. И приехал вместе с ним на чертовой тарахтелке – мотоцикле.

Алдияр испугался не того, что черная корова стояла у входа. И не того, что узнал Пижо. Когда он посветил фонариком в лицо Пижо, то заметил какой-то темный силуэт за коровой. Алдияр догадался, что этот силуэт не кто иной, как Женья. Это темное пятно и заставило старика оцепенеть, потеряв дар речи. Какой бы глухой ни была ночь, какой бы густой туман ни окутал ее, Алдияр хотя и не разглядел отчетливо, но почувствовал всем сердцем, что это внук. Он был уверен, что не ошибся.

Увидев рыжего паренька, он хотел направить фонарь в ту сторону, но сам не понял, почему инстинктивно выключил его.

Повернувшись к ним спиной, вышел и остановился возле двери. Остановился, потому что в голову пришла мысль: «Кстати, где их мотоцикл? Звук мотоцикла не было ведь слышно».

Войдя в дом, он так и не избавился от страха. Снял калоши у порога, не раздеваясь, направился к своей кровати. Он не стал включать свет. Походил из угла в угол, меряя шагами пол, посматривая в окно, и сел на край плоского дивана. Ему казалось, что Женья вот-вот появится. Придет и скажет: «Ну-у, деда-а!» и попросит прощения. Словно онемев, он ждал этой минуты. Но внук не пришел. Кто знает, сколько продлится эта тишина, сколько ему придется торчать на краю дивана... Собака яростно залаяла, с лаем побежала вокруг дома. Женья так и не пришел.

«Не может быть, – думал старик все еще под влиянием страха. – Он же мой родной внук! Сын моей Бибитай!» Импульсивно сжал голову обеими руками. Потом погладил лицо, бороду. Он понимал, что продолжать так сидеть, значит, показывать отсутствие самолюбия, слабость. Но полагал, что у него нет другого выхода. Или же так проявлялась старческая немощь... Кто знает...

Неизвестно, сколько так просидел Алдияр, но вдруг опять послышался отрывистый лай собаки. Пес будто с обидой и досадой говорил: «Ты жив там?..» А старик сидел, беспомощно сложив руки на коленях. «О, Аллах, неужели он так поступил? Мой родной внук решил на такое дело? Не может быть... Даже врагу не пожелаешь такого...» – опять подумал он, затем быстро встав, кинулся к калошам у порога.

Когда Алдияр вышел во двор, собака заскулила, подошла ближе, тявкнула. Обманывая то ли себя, то ли собаку, старик погладил ее по голове. Быть может, так он демонстрировал свою беспомощность.

Шлепая калошами, Алдияр зашел в хлев и увидел, что черной коровы с прошлогодним теленком там нет. Корова с белой отметиной на лбу и ее теленок были на месте. Бычок тоже. Старик опять почувствовал полное замешательство. «Неужели... О, Аллах, это же абсурд, из тех, про которые говорят: “Хоть бы не узнал никто”», – подумал он, находясь в полуобморочном состоянии от злости.

В гневе вышел из хлева. От досады хлопнул деревянной дверью сарая, привязанной к стойке проволокой. Или ему почудилось так, или в ночи так прозвучало, но звук был такой, будто со всей силой захлопнулись железные ворота. Собака, почуяв гнев хозяина, больше не стала лаять. Она бегала рядом, виляя хвостом.

«Если позвоню и заявлю в милицию на железнодорожной станции, мол: “У меня украли скотину, масть такая-то, столько-то голов”, – эта весть взбудоражит и станционных, и весь аул... Люди будут расспрашивать, кто вор... Господи, какой же я несчастный! Смотри-ка, где поневоле пришлось прикусить язык...» В тяжелых мыслях старик обернулся к хлеву... Потом пошел в сторону дома. Потом снова вернулся в хлев... Это мотание туда и сюда выдавало бессилие опустошенной души, неспособной принять решение... В конце концов с опущенной головой, поникший, зашел он в дом.

Опять не стал снимать с себя ничего, кроме калош. В верхней одежде ходил туда-обратно по войлоку, расстеленному напротив входа. Даже не подумал включить свет. Нет, почему же не подумал... Подумал. Но в настоящую минуту для старика свет был нежелательным, пугающим... Потом он снова сел на край разложенного дивана и снял ушанку. Обеими руками сжал голову, а когда провел по лицу, ладони показались ему жесткими и грубыми.

Через некоторое время он встал с места и лег на кровать прямо в одежде. Однако сон не шел. Непохоже, что он сможет заснуть в скором времени. Бушевавшие в нем гнев и обида то вспыхивали вновь, то гасли, слабея. А теперь появились и мысли. И еще какие. На этот раз Алдияр ушел мыслями очень далеко...

2

Однообразное течение жизни Алдияра, похожее на мягкое движение волн, вдруг нарушили события, которые были связаны с женитьбой сына Журки Сагынжана. Господи, как же была рада свадьбе Бибитай! Так ждала... Она ведь была девушкой на выданье, и это было ее время: она расцвела, похорошела, носилась, как на крыльях. Ходила в гости по домам Узынарыка, разбросанным по склонам лощины от самого берега Дарьи, а когда становилось скучно, встречалась с подругами, хотя и не каждый день, болтала с ними, вечером же они обычно чаевничали с отцом, попивая из пятилитрового медного самовара, подробно обсуждая разные новости в соседних домах...

Тогда в Узынарыке было больше тридцати дворов. Это сейчас осталось всего семнадцать, главным образом из-за того, что жители разъехались: кто в поисках работы, кто туда, где есть семилетняя или десятилетняя школа для детей, а в ауле еле-еле работала четырехлетка.

Когда в ауле было много домов, разговоров тоже было больше. Но свадеб – мало. Потому что молодежь, которая уезжала в поисках работы в район, город, там же и женилась, свадьбы справляли тоже там. А девушки в ауле почему-то предпочитали, чтобы их просто украли, нежели хлопотно сватали и устраивали

проводы невесты. Родители аульных джигитов, занимавшиеся земледелием или разводившие скот, лишь подтверждали убогое существование жителей Узынарыка, никогда не слышавших зажиточными, – с горем пополам сбывали нажитое имущество, чтобы справить немудреную свадьбу.

По этой самой причине свадьба сына Журки Сагынжана живо обсуждалась жителями тридцатидворного Узынарыка за три месяца до события и еще три – после. Через шесть месяцев эта тема устарела. И не потому, что перестал интересовать людей: сплетники без нового повода для пересудов продолжали бы еще мусолить эту тему, но неожиданно еще один джигит привез невестку из Туркестана, и всем стало не до подоплеки свадьбы, которую устроил Журка для сына. Главным образом потому, что разговоры о новом тое запылились, как пожар в степи в ветреный день.

...Бибитай передавала отцу разные новости о предстоящей женитьбе сына Журки, но больше говорила о занавесках, постельных принадлежностях для молодоженов и прочих вещах, которые могут привлечь девушку. Зная, что отцу это неинтересно, она все же с большим удовольствием рассуждала о видах тканей, их покрое, пошиве, даже откуда они были привезены. Не поленилась рассказать и о количестве посуды, пиалок и чайников, собранных из разных домов. Тогда Алдияр не раз думал про себя: «Если бы была жива Шекеркуль, она бы с удовольствием выслушивала все это, добавила бы то, что узнала сама, и бог знает, сколько бы самоваров чая они выпили за такими беседами...» Все же мужчине не хотелось вникать во все эти тонкости. Не желая дальше слушать описания дочери, он шел на хитрость – будто неожиданно вспомнив, восклицал: «Ой, время поить коня» или: «Нужно положить сена скотине в хлев», и спешил к обуви у входа. Бибитай, конечно, догадывалась о хитрости старика. Однако, стараясь не подавать виду, улыбалась отцу или сразу же принималась убирать со стола. Как бы то ни было, случалось, что Алдияр прислушивался, наострив уши, к рассказам дочери, которые доставляли ему немалое удовольствие. К примеру, когда она сообщила: «Дед Журка купил себе в Туркестане новые калоши для свадьбы», – он встрепенулся. Выяснилось, что в этом ауле Алдияр оказался не единственным, кто взволновался, когда услышал про новые калоши. Старики Турап, Туйебай, чьи дома притулились в самом конце Узынарыка, пришли к Журке, чтобы посмотреть на новые калоши и обменяться мнениями о предстоящей свадьбе. Кто знает, быть может, калоши были предложены для старикашек, чтоб пусто им было, пришедшим с надеждой, что жена Журки Кульше заложит в котел мясо, а если так поступит, то, быть может, выберет для варки мясо пожирнее...

Скупая Кульше не только не заложила мясо в котел, когда они заявили, но даже не показала им новых калош.

– Новые калоши старик наденет в день свадьбы. И подарок принесете тогда. Но помните, чтобы подарок за смотрины невесты был отдельным! – сказала дерзкая и наглая Кульше.

Так она ввела в замешательство бедняг, которые пришли с надеждой полюбоваться новыми калошами, а потом, если повезет, насладиться мясом, – в растерянности они принялись ковырять одеяло под собой.

– Эй, старуха, раз они пришли с дальнего конца Узынарыка пешком, показала бы те проклятые калоши! – стал петушиться заносчивый Журка.

Кульше, не придав значения его словам, сказала:

– Еще увидят, будь они неладны, выскочили, как чирьи на ровном месте, – и вышла.

Так, несолоно хлебавши возвращаясь домой, Турап и Туйебай ворчали:

– Хорошо, что не взяли с собой Прали, а ведь хвалились: по дороге возьмем с собой Прали, мол, если пойдем втроем, обязательно будут варить мясо...

И были довольны своим поступком.

Алдияр сильно рассердился на бессердечную Кульше, оставившую без внимания чаяния столь уважаемых людей. «Эх, как же зазналась злосчастная старуха!.. Что с того, показала бы?! Эти старики пришли же поглазеть не на слиток золота. Господи, это же просто калоши, на которые, как только пройдет свадьба, налипнет грязь, пыль. Несчастливые калоши, которые будет носить не кто-нибудь, а Журка... Если бы вдруг они обрели дар речи, наверняка зарыдали бы: “О боже, надо же было нам достаться Журке, а не кому-нибудь другому”... Но разве творец наделит их таким даром? Как же зазналась эта злосчастная черная старуха Кульше!» Дальше Алдияр подумал: «Как жалко, что меня там не было! Если бы я был там... Журка дал бы по заднице этой скверной черной старухе... Если у старика не хватило бы смелости или сил, я бы надавал ей... Ах, как жаль!.. На худой конец сказали бы: “Вместо мужа Кульше побил деверь”, – вот и все дела. Стал бы за это народ осуждать меня?.. Посмотрел бы я на скверную старуху, как она носится с жалобами по всему аулу...» Алдияр понимал, что будет излишним делиться этими мыслями с дочерью. Но сидя у себя дома, он настолько разгневался на черную старуху Журки, что, засучив по локоть рукав на правой руке, которой он был готов наподдать по заднице Кульше, изготовился было лихо сплюнуть на ладонь, но, постеснявшись дочери, разливающей чай, невольно опустил руку. «Ох, как жаль!» – подумал он, сожалея то ли о том, что не сумел плюнуть на свою широкую ладонь, то ли о том, что не попала она, куда надо, надавав по заднице черной старухи.

Интересуясь подготовкой к предстоящей в доме свадьбе Журки, Бибитай с не меньшей энергией готовилась и сама к этому дню. Два раза побывала на базаре в Туркестане и привезла оттуда шелестящие, словно шелк, ткани синего, зеленого, красно-желтого отлива для пошива платьев: «Это я надену на той, другое буду дома носить...» – а еще купила себе туфли. Не забыла она порадовать и старого отца. Из первой поездки она привезла Алдияру тюбетейку из зеленого плюша, во второй раз – фонарик, который нужен будет для того, чтобы следить за скотиной. Алдияр был, конечно, доволен.

– Бибитай, я теперь превзошел Журку! Господи, что такое калоши по сравнению с тюбетейкой, а особенно фонарем, которым я стану освещать себе дорогу. А хочешь, я пойду и назло покажу все, что ты мне купила, этой черной старухе Журки? Пусть она лопнет от зависти... – пошутил он.

Такие моменты для них были очень радостными. Во время трапезы, за чаепитием или когда дочь растапливала очаг, а Алдияр развешивал носки для сушки за печь, они вели беседы, говорили меж собой громко и оживленно, так что порой их смех заглушал звучание песен по радио и звуки телевизора, от которых дрожали стекла окон их старенького дома.

В день женитьбы сына Журки Бибитай приготовила много супа. Когда дочь налила из казана в большую тарелку свежей сурпы и поставила на стол, Алдияр воскликнул:

– Дочка, да этого супа хватит на весь Узынарык! Той устроил не Журка, а ты, – сказал он дочери, довольный, но в то же время удивленный.

– Вы будете есть его вечером... и утром... разогреете, – сказала дочь, смущенно улыбаясь и чувствуя себя немного неловко.

Ее белое лицо покраснелось, словно ей стало стыдно за только что сказанное.

– Хорошо, милая моя, – сказал Алдияр, подсев к тарелке, которую дочь поставила перед ним. Но почему-то в память запали слова дочери «разогреете», которыми она как-то отделила себя от него.

Сначала он достал из супа кость и, пока бульон был горячий, стал ее обглаживать, думая: «Что значит – разогреете?..» Посидел немного, размышляя, но жирное мясо на кости представлялось ему привлекательней любой другой темы. Алдияр, с жадностью разжевывающий мясо, сейчас был не склонен начинать или поддерживать разговор. К тому же и Бибитай не обращалась к нему: она была занята тем, что приводила в порядок вещи в чемодане.

Паровым утюгом она гладила новые яркие платья, платки, носовые платочки, бегала к чайнику у порога, чтобы намочить белую марлю, потом к печи, чтобы успеть подложить угля в утюг, осторожно, чтобы не помялись, перенесла платье на диван – так она готовилась к празднеству, имевшему для нее большое значение. Не торопясь, помыла голову. Глядя в зеркало, стала расчесывать волосы.

Видя, что дочь очень занята, Алдияр доел суп, взял с печи чайник кипятка, сам заварил чай, налил себе в пиалу и стал пить.

После чая в одиночестве произнес благословение, сам убрал со стола.

Затем вышел во двор, накормил скотину, наколот дрова для растопки печи. Зайдя домой через некоторое время, увидел Бибитай, надевшую новое желто-белое платье, легкую безрукавку, блестящие новые туфли и готовую в этом наряде отправиться на свадьбу. Наверное, впервые он заметил, как его дочь красива, и был поражен этим. Алдияр переступил порог комнаты да так и замер, не отпуская ручку двери и удивленно разинув рот.

Шелестя подолом желто-белого платья, Бибитай подошла к круглому зеркалу, прикрепленному к стене между шкафом и печкой, стала поправлять волосы, своими тонкими белыми пальцами разглаживая лицо. «О, Боже, она что, духами пользовалась?..» – когда его ноздри учуяли аромат духов, Алдияр, редко слышавший такой запах, зашмыгал носом. Намереваясь сказать добрые слова дочери, повернулся к ней, но неожиданно в голове не нашлось ничего подходящего. Вместо того чтобы похвалить ладно сидящее платье и новые блестящие туфли на ней, он, сморщив нос, будто ему было неприятно, сказал: «Что это за запах?» Алдияр, наверное, хотел сказать: «Какой приятный запах!»

Бибитай весело рассмеялась. Какой же чудесной была улыбка дочери! Алдияр не мог вспомнить, замечал ли он раньше, что когда его Бибитай смеялась, ее брови изгибались, глаза наполнялись блеском, припудренное лицо розовело румянцем, и она становилась еще краше. Загадочная ее улыбка, наверное, заставила бы растаять сердцем кого угодно! Сейчас Алдияр чувствовал, что по-особенному любит дочь, душевно радуясь, испытывая гордость за нее.

– Коке¹, как Вам мое платье? – спросила дочь, стоявшая перед зеркалом, внезапно повернувшись, и Алдияр растерялся, не зная, что ответить.

¹ Көке – отец.

– Мое платье красивое, да? – если бы дочь не ответила себе сама, кто его знает, наверное, вопрос повис бы в воздухе.

Лишь теперь Алдияр, спохватившись и поняв, о чем говорит его дочь, сказал: «Поздравляю!» Лицо Бибитай еще больше запыхало, она обрадовалась – и стала еще краше.

– Милая моя! – сказал Алдияр, нежно глядя на дочь.

Этим словом он выразил свою благодарность дочери, радость и гордость, которые переполняли его сердце. Он уже не мог скрывать эти чувства, они вырвались наружу, звуча как откровение, как самая сокровенная тайна его души.

Бибитай тоже поняла смысл этого одного-единственного слова. Расчувствовавшись, девушка вдруг быстро подошла и обняла отца, поцеловала его в щеку. Алдияр такого не ожидал. Насколько он помнит, Бибитай никогда еще до этого не целовала его, или, может быть, он просто запомнил. Наверное, поэтому он разволновался:

– Бибитай, что ты делаешь? Откуда появилась такая привычка? – сказал он, а глаза наполнились слезами, подбородок задрожал.

Одному Аллаху известно, сколько времени они простояли у порога в обнимку. Наконец Алдияр, скорее не из отцовского чувства, а старческого, еле произнес дрожащим голосом, первым успокаивая ее:

– Хватит, Бибитай, остановись.

Бибитай, убирая руки с отцовской шеи, поплакала еще, затем, намочив кончики пальцев в воде из чайника, принялась вытирать глаза. Вдруг засияв, как солнце после дождя, будто ничего не произошло, сказала звенящим радостным голосом:

– Я пойду на свадьбу, коке-е!

Алдияр, все еще не пришедший в себя, подумал: «Е, милая... раз собралась, иди. Кому же еще идти на свадьбу, принарядившись, как не тебе?» – но, к сожалению, не смог произнести вслух этих слов. Если бы он попытался сейчас сказать что-нибудь дочери, то не удержался бы от слез.

Бибитай вышла во двор, Алдияр пошел следом за ней. Он понимал, что мужчине, пусть даже это и отец, глазеть так на красиво одетую девушку нельзя, это неприлично, но именно в этот раз ему хотелось хотя бы взглядом сопроводить дочь. Может быть, он хотел немного погордиться перед людьми, мол, какой красавицей выросла дочь.

Когда Алдияр вышел во двор за дочерью, она уже подходила к близким трем или четверем подругам из дальних и ближних домов, поджидавшим ее. Бибитай точно знала, что отец выйдет за ней, подошла поближе к подругам, обернулась и помахала ему рукой, потом обняла подруг и, улыбаясь, весело перешучиваясь с ними, пошла дальше.

Когда разодетые девушки пышной стайкой отделились от дома, среди них особенно грациозно, подобно лебедю, покачиваясь, шла его Бибитай. Может, Алдияру так почудилось...

Вспоминая тот день, Алдияр не назвал бы ни одной девушки в ауле, что была бы краше его Бибитай. Да, как-то и не заметил... И не только в Узынарыке. Алдияр ведь знает все прочие аулы, прилепившиеся к берегам реки, как воробьи к густой лиственной кроне, а также все окрестные железнодорожные станции. Наверное, в этих аулах и были иные девушки, но другой такой, как Бибитай, не было.

Вернувшись домой, он стал прибирать разбросанные вещи Бибитай. Повседневные платья, платки, полотенца и носки он сложил на нижней полке шкафа, обувь аккуратно вытер тряпичей и расставил у порога.

С малых лет у Бибитай была привычка оставлять разбросанные свои вещи отцу, когда уходила куда-то в спешке. Как-то раз Алдияр даже упрекнул ее, дескать, ведешь себя, как мальчишка. И если бы Бибитай хоть как-то отреагировала на его недовольство! Невинно улыбаясь, сказала: «Коке, я же у вас одна и за мальчишку и за девчонку?» Тогда Алдияр, не зная, что ответить на эти слова, растерялся на миг, потом, сохраняя тон, по-отечески пожурил ее: «Что за слова, неразумная!» Но про себя подумал: «В самом деле... На кого же еще полагаться Бибитай? Кто же, кроме меня, будет холить и нежить ее?»

Через несколько минут он обратил внимание на то, что в доме стоит ощутимый запах духов. «Неужели Бибитай пришло в голову обрызгать весь дом духами?» – подумал он, сморщив нос, и, приняхиваясь, повернулся в одну сторону, потом в другую, однако у него не получилось определить, откуда исходит запах. От платья, которое он недавно сложил на полку, или от верхней одежды дочери на вешалке? А может, от ворсистого ковра на стене? Он не сказал бы, что этот запах неприятен ему. Даже подумал: «Разве не должно приятно пахнуть в доме, в котором живет девушка?» Эти мысли порадовали его: он гордился своей Бибитай...

Алдияр был в радушном настроении, и когда рубил дрова, и когда заводил в сарай вернувшуюся с пастбища скотину. Загоняя в хлев белолобую корову, ласково приговаривал:

– Животинка моя, ты вернулась домой, зная, что у тебя есть хозяин, хлев для ночевки, сено для пропитания, – и погладил ее по лбу, потом почесал – а такая нежность была несвойственна Алдияру.

И сопровождая овец и коз, растроганно бормотал:

– Эх, вы, мои овечки, блеющие наперебой, не заблудились, не забежали в чужой загон, вернулись домой, зная, что есть у вас единственный хозяин и покровитель – Алдияр. Как же приятен ваш шум, – говорил он, поглаживая рукой овец, трогая рога двух или трех коз.

Несколько овец и коз, словно говоря: «Приласкай нас тоже по крутому хребту и рогам», ища внимания хозяина, подбежали, сталкивая со своего пути других, стали блеять густыми голосами.

Но Алдияру было уже не до них. Он должен задать корове сена на ночь. Потом подоить ее и сварить в казане молоко. Когда молоко остынет, нужно перелить его в чашу и не забыть положить закваску. «Господи, сколько же у меня еще работы, а вам все равно?! А еще и собака! Я же должен ей сварить болтушку...» – озабоченно подумал он и в сердцах хотел было приструнить палкой назойливых овец и коз, требовавших от него внимания, но остановил себя. Сдержался, потому что подумал: «Не следует обижать животных в день, когда моя Бибитай, цветущая, как тюльпан, радостная, пошла на свадьбу. Они ведь паслись и пили воду весь день для себя, а вечером вернулись в хлев в поисках меня», – с этими мыслями он с умилением посмотрел на овец и коз, с блеянием окруживших его.

Он решил подоить корову сам, потому что не сомневался, что невестка из дома Прали тоже пошла на свадьбу. И не только Бижан – он был уверен, что и Акнур тоже находится там. Старухи этого аула такие легкомысленные, готовы идти на подобные торжества вместе с невестками или дочерьми! Теснясь вдоль

стен комнаты, где гуляет молодежь, они внимательно наблюдают: смотрят, как танцуют молодые, слушают песни и игру на домбре, во время игр ребят стараются заприметить, кто из джигитов с какой девушкой танцевал, кто рядом с кем сидит... А после тоя по сорок дней потом, не унимаясь, обсуждают события того вечера. Но если через сорок дней в ауле не состоится еще одна свадьба, или праздник в честь новорожденного, или пиршество по случаю обряда обрезания, старухи снова станут мусолить эту тему, словно разжевывая прошлогоднее копченое мясо. Прядя на веретене, свивая в нить пух, повторять опять уже трижды сказанное для них – невинное дело. «Ого-го!» – воскликнете вы. Да, старухи этого аула такие... К счастью, бог дал достаточно терпения их старикам. В дни празднеств, отправив дочерей, невесток и старух на той, они оставались дома сторожить скотину.

Алдияр, вспомнив, что Прали-то остался дома, подумал: «Кстати, после того как улажу свои дела, неплохо было бы сходить поболтать к Прали». Но не был уверен, что найдет время для такой болтовни и пересудов.

Налив молоко в казан, он растопил в печи огонь. Разделся. Посмотрел концерт по телевизору. Разогрел себе суп с лапшой, приготовленный Бибитай, покушал. Ужиная, вспомнил о собаке, дожидавшейся снаружи своей болтушки, и принялся за дело, чтобы ее порадовать.

Дав болтушку собаке, свернул в сторону хлева, убедился, что там все в порядке, и вошел в дом. Часы показывали одиннадцатый час.

– К Прали теперь сходить не получится, – произнес он, не отводя глаз от часов. – Какое там – пойти к Прали... Чуть погода надо налить закваску в остывшее молоко. Потом снова нужно проверить хлев... А там наверняка и Бибитай вернется со свадьбы. И когда она вернется, надо будет обсудить свадьбу... В самом деле, разве есть у меня время, чтобы среди полночи сидеть у Прали и разводить тарыбары? – рассудил он в конце концов, особо не сожалея, что не пошел к Прали.

Алдияр решил еще раз проведать сарай, потому что иногда воры выбирали время, когда всё внимание аульчан было захвачено проведением шумного торжества или поминок в ауле. Он твердо решил никуда всё же не отходить от жилища.

Заходя в дом, он повесил на один крючок самодельной вешалки ушанку, на другой – фуфайку. Присев, включил телевизор, там шел концерт оркестра Курмангазы. «О, боже, как же повезло! – подумал Алдияр, особенно любивший слушать домбру, и поудобнее расположился на диване. – Как хорошо, что я не пошел к Прали! Что мне эти беседы с Прали, по сравнению с такой музыкой... Если бы у него было что сказать... А если нет...» «Что нового в том ауле? Какие новости в другом ауле?» – допытывался бы Прали, ожидая рассказов и тратя напрасно его время. Такой уж у него брат...

Алдияру особенно нравилось, когда музыку исполнял большой оркестр, это, по его мнению, было лучше, нежели один исполнитель. Поэтому сейчас он притих и с наслаждением внимал композиции. В доме не слышно ничего, кроме оркестра... Если не считать потрескивания огня в печи и мяуканья кошки, расхаживающей туда и сюда.

Когда концерт закончился, он, очарованный исполнением, с трудом поднялся с места и направился к вешалке, пошатываясь. Оно и понятно. Алдияр даже прослезился, пока слушал оркестр. Все еще находясь под влиянием музыки, он взял ушанку и фуфайку, натянул их на ходу и пошел к двери, чтобы надеть сапоги.

Стрелки часов показывали двенадцать. Пора бы свадьбе уже закончиться! Алдияр рассчитывал увидеть уже Бибитай у двери, а если она не придет, самому пойти в сторону дома Журки.

Выйдя во двор, он заметил, что дождь, ливший, пока он смотрел телевизор, прекратился, и сейчас небо ясное. Звезды так и сверкали россыпями драгоценностей над землей. Постояв немного у окна, Алдияр вместе с собакой, путающейся под ногами, зашагал в сторону видевшегося вдалеке жилища Журки.

Дом, в котором прошел той, был заметен издали. Во дворе виднелись разбегавшиеся машины, слышался гул мотора трактора.

Собака, поняв мысли хозяина, побежала вперед. Сам Алдияр шел тихим неспешным шагом. Он не торопился, потому что надеялся встретить дочь на полпути.

Он обычно встречал Бибитай с таких редких мероприятий, как свадьбы в Узынарыке. Когда отец выходил навстречу, Бибитай принималась весело щебетать, радуясь и гордясь перед подругами. Чувства выплескивались через край, и она, ласкаясь, шла рядом или же забегала чуть вперед, оборачиваясь на своего коке. Отец, в свою очередь, не оставался в долгу. «Свет мой, ты тоже танцевала? Ты пела? А с кем ты танцевала? С кем рядом сидела?» – засыпал он ее вопросами, и так они шли, громко разговаривая. Дома Бибитай переодевалась, затем ставила чай, поскольку беседа о свадьбе не была завершена, и они пили чай, и снова живо обсуждали событие, и ложились спать поздно. Разговоры о торжестве продолжались и завтра, и послезавтра...

Вокруг тишина. Лишь со стороны дома Журки слышны гаснущие голоса и крики, а то и мелодия, нарушающая безмолвие.

«Празднество еще не закончилось, – подумал Алдияр, шагая неторопливо. – Как же, в этом ауле так просто торжество не закончится... Боже мой, в иные годы люди расходились по домам на рассвете! Женщины тогда несли на руках уснувших детей со свисающими головами, по дороге обсуждали свадьбу и весело смеялись. Конечно же, пиршество в этом ауле...» Внезапно он остановился на полпути. Он понял, что вышел из дома в этой своей растрепанной фуфайке и старой ушанке, а если он так подойдет и спросит про Бибитай... Ведь люди же скажут про него: «Зачем он пришел в таком рванье за молодой девушкой на застолье?» Станут смеяться. А дочери будет стыдно... Не вовремя же пришла эта мысль в голову... Он замялся. Постояв немного, снова прислушался. Со стороны дома Журки вместе со звуками грустной мелодии по-прежнему доносились громкие голоса. «Ладно, сама придет», – подумал Алдияр и повернул назад. Собака, не понимая, почему хозяин вдруг повернул назад, бежала рядом, изредка недоуменно поглядывая в сторону дома, откуда доносились звуки.

Шагая по дороге обратно, Алдияр думал: «Бибитай ушла с толпой подруг, должна же вернуться с ними? Что же я выставляюсь попусту, встречая молодых девушек...»

Со своей женой Шекеркуль Алдияр познакомился на одной из таких свадеб. В то время в Узынарыке было много дворов, и свадьбы были веселее. Этот аул оживленно общался и с другими аулами, что по ту сторону реки. Если в Узынарыке проходила свадьба, молодежь Жанарыка на двух, иногда трех лодках переправившись через реку, с песнями являлась к ним. Если же такое событие было в Жанарыке, жители Узынарыка с шумом и гомоном прибывали к ним.

Вернувшись домой после демобилизации, Алдияр не пропускал ни одного такого мероприятия. Обычай встречать и провожать у реки гостей из соседнего аула, которые заявили на свадьбу, был очень увлекательным. Джигиты, уже под хмельком, с домбрами и мандолинами, висевшими на груди, наигрывали на инструментах по двое или по трое, то и дело запевая песню, а если на пути встречалась лужайка или площадка, начинали танцевать парами или всей группой: девушка из этого аула с джигитом из другого, и наоборот... С веселым шумом и галдежом усаживались на лодки. Разгоряченные, хмельные джигиты настаивали на своем, дескать, отвезем гостей на своих лодках, и, присоединив свои челны к лодкам другого аула, отправлялись в плавание целой флотилией при манящем лунном свете, все вместе дружно распевая!

В то время Алдияр бывал на всех таких мероприятиях, присматриваясь к жанарыкским девушкам. Да у него и не оставалось другого выхода. Он был старше юношей своего аула, уже зрелым джигитом с жизненным опытом. К тому же, у него была больная мать, прикованная недугом к постели, которая каждый божий день, откашлявшись, настойчиво спрашивала: «Когда приведешь невестку, сегодня или завтра?»

Алдияру, вернувшемуся из армии зимой, до самого лета не довелось встретить Шекеркуль на празднествах, проводившихся обоими аулами. Но как-то летом на проводах невесты на ту сторону реки он увидел изящную белолицую девушку с длинными темными волосами и черными глазами, и она ему понравилась. Она была немногословна, шла за другими девушками, как пугливый сайгак, стесняясь, вставляла слова только после них, смеялась тоже последней – и все это пришлось ему по сердцу.

Алдияр пригласил девушку на танец, затем еще раз. Потом молодежь разделилась на пары, чтобы играть в игру «Друг ты или враг?», и они, оказавшись в одной паре, разговорились и узнали имена друг друга. Когда джигит из другой пары попросил отдать ему Шекеркуль, сказав: «Хочу твою подружку», Алдияр, дабы не потерять свою «половинку», даже спел песню, наигрывая на домбре.

Разговаривая с Шекеркуль, он, среди прочего, спросил:

– Сестренка, что ж я до этого не встречал тебя на таких вечеринках?

И она в ответ, мило улыбаясь, застенчиво пошутила:

– Видимо, я совсем недавно подросла.

Шутка понравилась Алдияру. В нем пробудилось сильное влечение к ней.

В то памятное лето было много свадеб и в Узынарыке, и в Жанарыке. Девушки и джигиты по обе стороны реки проводили время в песнях и танцах, неустанных веселых забавах. Шумные празднества и вечеринки сблизили Алдияра и Шекеркуль. Много раз они танцевали вместе. Пели дуэтом. Даже когда наступал черед игры «Друг ты или враг?», Алдияр не отдавал девушку, откупаясь от просьб песней или танцем.

Все это было будто вчера... Помнится, это было к концу третьей вечеринки, на которой они были вместе. Или четвертой... Как бы то ни было, ближе к утру, когда пришло время проводов жанарыкской молодежи, прибывшей на праздник в Узынарык, Алдияр признался девушке в своих чувствах.

Наверное, так парни и делают предложение.

– Сестренка, ты мне запала в душу... – сказал он, держа Шекеркуль под руку.

Девушка промолчала.

– Ты мне очень сильно нравишься. Хочу, чтобы мы с тобой поженились, – добавил он.

Она не ответила и на этот раз.

– Если ты согласна... я украду тебя... на следующем гулянии, – завершил он. Безмолвствовавшая до этого девушка вдруг подняла голову.

– Я не согласна. Я не могу просто сбежать, – сказала спокойным голосом.

И, заставив Алдияра понервничать, добавила: – Родители должны справиться проводы невесты.

Алдияр, услышавший: «Я не могу просто сбежать», уже расстроился, словно получил отказ, но моментально пришел в себя после слов «проводы невесты», даже плечи его расправились. Нахлынула бурная радость. От восторга он даже торопливо поцеловал Шекеркуль в щеку. Поцеловал быстро – из осторожности, чтобы, не дай бог, не обидеть девушку. А сам, довольный ее благочестивыми словами, подумал: «А как же, разве для воспитанных дочерей родители не устраивают проводов невесты?» И он почувствовал еще большую любовь к Шекеркуль.

В августе его мать отправила Журку и Прали на сватовство в Жанарык. По правде говоря, она еле заставила их сделать это. Журка, как всегда, тянул: «Наш сын и невестка уже договорились между собой, свататься будет легко. Давайте сначала соберем арбузы и дыни, которые спеют, пристроим урожай, продадим. Пусть в колхозе соберут кукурузу...» Мать Алдияра сказала им, как отрезала: «Если вы не торопитесь, я тороплюсь. Я хочу увидеть невестку, пока еще жива...» Услышав эти слова, оба старика замолчали. Надели новые костюмы, нахлобучили тюбетейки и, пожимая плечами, отправились к берегу реки, чтобы сесть в лодку.

Когда сватовство удачно завершилось, они, очень довольные, пришли и сообщили, что через месяц состоится проводы невесты... Увы, мать, говорившая им: «Если вы не торопитесь, я тороплюсь», – скончалась. Свадьбу пришлось отложить еще на месяц.

В середине октября поехали за Шекеркуль. Прали был во главе сватов, Токашбай – другом жениха.

Было весело. Какие только песни не звучали... Какие танцы... Да что там песни и танцы, чего только стоил один брошенный украдкой взгляд Шекеркуль, красовавшейся, как спелая слива, среди группы девушек, в платке и платье из шелка!.. Ох, эта красивая белая рука на его шее, когда они под возгласы публики танцевали вальс!

Он с упоением созерцал колыхание шелкового платья невесты, ее изящество и гибкость, милую улыбку... Она была для него больше, чем прелесть, больше, чем мечта... Чудесной сказкой. Он пытался сдержаться, говоря себе: «Неудобно перед людьми... Я ведь все-таки мужчина, мне не к лицу так пристально смотреть на нее...» – и все же не мог отвести взгляда. Он даже не замечал, как поворачивался в ее сторону. Наконец закончилась эта ночь, околдовавшая его душу, взбудоражившая чувства. Наступило утро. Их тогда к лодке провожала не только молодежь, но и женщины со спящими детьми на руках, пожилые женщины... Если ему не изменяет память, среди провожающих были и босоногие полусонные сорванцы...

После суматохи проводов у лодки и прибытия домой молодежь разошлась, остались лишь самые близкие пять-шесть человек. Алдияру вдруг стало стыдно за свой захудалый бедненький дом. Его рабочая одежда, висевшая обычно в прихожей, оказалась на видном месте в передней комнате. Немытая посуда была

собрана в беспорядочную груду. Акнур, обещавшая, что «все приберет, наведет порядок», видимо, не успела, ведь целый день она жарила баурсаки и пекла хлеб. Все, что она сделала, – почетное место основной комнаты отгородила шымылдыком – белой шторой для молодоженов.

Как только невестка переступила порог дома, родичи вышли во двор. Женщины стали разделявать мясо, чистить потроха забитой скотины. Мужчины суетились во дворе, ставя самовар, рубя дрова для печи. Алдияр остался наедине с молодой супругой возле шторы.

Стыдясь своей бедности и беспорядка в доме, он присел рядом с Шекеркуль и сказал глухо:

– Шекер-р... извини, не думай, что пришла в дом, где нет хозяина...

Но Шекеркуль, улыбаясь, обернулась к нему и ответила ровным голосом:

– Я ведь пришла в этот дом, чтобы стать его хозяйкой?

Кто знает, откуда у него появилась смелость – Алдияр в этот момент обнял жену и поцеловал в ее зардевшиеся свежие щеки... В этот раз он целовал ее долго...

Алдияр вошел в дом. Сняв сапоги, но оставшись в верхней одежде, присел на диван и незаметно уснул. Очнувшись же от лая собаки во дворе. «Выходит, той только сейчас закончился, люди уже расходятся», – подумал он и поспешил к обуви. Он и сам не понимал своего сегодняшнего беспокойства, но его не покидало ощущение, что он поклялся встретить дочь у порога.

Снова вышел во двор. Собака по привычке стала путаться под ногами. Мимо дома с шумом и гомоном прошла толпа. Затем еще одна. Судя по голосам и залиvistому смеху, последней стайкой прошли девушки. Но среди них Бибитай не было.

Удивленный Алдияр постоял еще некоторое время и нехотя вернулся в дом. «Может, задержалась по каким-то делам. Журка ведь не чужой человек, может, осталась помочь родным?» – успокоил себя он и снова опустился на диван. Он надеялся, что Бибитай скоро вернется.

Устав за день от работы по дому и от того, что несколько раз пришлось вставать, он провалился в глубокий сон. Проснувшись, Алдияр недоуменно огляделся по сторонам – было уже светло. Он озирался и озирался, все еще надеясь увидеть Бибитай... Ее не было... Пришло время выгонять скотину на пастбище. Алдияр, сильно встревоженный отсутствием дочери, какое-то время не понимал, с чего начать день, и сидел в замешательстве. Искать Бибитай, или растопить печь, или выгнать корову, овец и коз на пастбище? В смятении он взирал на окно, потом, видимо, вспомнил, что нужно сначала надеть сапоги, и заторопился к двери.

Еле-еле переставляя ноги, будто захмелевший человек, подошел он к печи. «Кстати, корову же нужно подоить, – вспомнил он. – Подоить или лучше пустить к ней теленка...» – стоял он в еще более смутном раздумье, но в этот момент кто-то вошел в прихожую. «Да вот же она!» – восторженно вскрикнул Алдияр и, веря, что явилась дочь, бросился открывать внутреннюю дверь. Но с той стороны, дернув за ручку, вошла Акнур.

– Боже мой, ты спишь до полудня, – сказала она скороговоркой.

– Ну-у...

– Где дочь?

– Дочь вчера ушла на свадьбу.

– Ушла на свадьбу, говоришь... О господи, он еще не знает! Мы потеряли дочь. Ее ночью украли.

– Как потеряли? – спросил Алдияр, напуганный странной торопливостью снохи, прибежавшей как с пожара, и ее словами: «Потеряли дочь». Он шагнул вперед и сразу назад.

– Что значит – ее украли? – с трудом выговорил Алдияр.

– Ойбай-ау, еще спрашивает, как это... Должны же в свое время выкрасть девушку на выданье? Я ведь тоже когда-то сбежала к твоему брату, оставив рыдающих родителей...

– Как это? Куда она сбежала?

– По словам моей никудышной невестки, твоя дочь в самый разгар свадьбы... То есть Бибитай вышла во двор вместе с одной из подруг... После этого не вернулась... Те, кто был внутри, пели песни, танцевали, веселились, как черти, когда утихомирились, стали искать Бибитай... Ее не нашли... Вот и весь разговор... Думаешь, весть о том, что Бибитай нет, не дошла до меня, беседовавшей в другой комнате со стариками и старухами? Да что же я могу сделать со сбежавшей девицей? Я подняла кулаки и завопила... «Найдите мне ее, даже если она сквозь землю провалилась... Как я теперь буду смотреть в глаза деверю... что я ему скажу!..» Я ведь задала жару и деверю Жамау, и невестке Мульше... Но что я могла сделать, если сама девушка ушла?

– Значит, Бибитай больше не вернется домой? – промолвил Алдияр, охваченный гневом, взъерошенный, все еще не веря тому, что дочь сбежала.

– Ойбой, что я тебе твержу, а что ты слышишь?! Я ведь знала, что ты будешь так злиться... Бедная я, даже зная, что я могла поделаться... Я ведь проверяла, как пыркурор... обыскала... «Вы ее спрячете здесь!» – орала я и едва не сорвала новую шелковую штору. Бозым-бала², не думай, что мой гнев так себе – прост! Выяснилось, что на свадьбу пришла молодежь из соседнего аула. Бедняги, все как один заявили они в Узынарык на единственное празднество в этом году. Чего греха таить, народу было – не протолкнешься. Да так много, что таким старушкам, как мы, было негде голову преклонить в комнате, где гуляла молодежь. Не то сидели бы, слушали песни, любовались бы играми, не жалея глаз, даже если хотелось бы спать... Да, вот что хотела сказать – среди чужих были двое русскоязычных парней из Жанатаса. Они якобы сказали: «Приехали за сеном в эти края и задержались, когда узнали, что идут свадебные гулянья...» Когда Бибитай вышла во двор, исчезли и эти двое, заики... и их спрятанная возле школы машина. Ойбой, обо всем этом мы узнали, когда она пропала! Но ведь после драки кулаками не машут... Что ни говори, со свадьбы мы ушли опозоренные, потеряв девушку. Думаешь, что я, дрыхла себе всю ночь рядом со своим стариком? Я была вне себя от расстройства, горела от обиды! Не осмелилась прийти к тебе ночью. Боялась, что мой деверь зарубит меня топором. Праздник Жамау так опозорил нас, что я теперь могу сделать?..

Алдияр, закрыв лицо старой ушанкой, заплакал. Когда он начал плакать, Акнур и вовсе потеряла рассудок.

– Эх, Бибитай-жан, я так и думала, что заставишь плакать отца... Так я и знала... – запричитав, она тоже начала плакать, всхлипывая, вытирая слезы краем платка. – Подоить твою корову, где ведро-то? – спросила она наконец мягким голосом, не зная, как угодить Алдияру.

² Бозым-бала – ласковое обращение снохи к деверю.

Алдияр не ответил. Постоял с бледным, ожесточенным лицом и вдруг, словно вспомнив что-то, с яростным видом устремился к дверям. Акнур, как ждала от деверя такого шага, сразу же рванулась за ним.

– Ой, Бозым-бала, говорят, гнев – враг, разум – друг... Кому нужна теперь твоя злость? Зачем она нужна? Ты что, хочешь угнаться за машиной, на которой сбежала твоя дочь до самого Жанатаса? Не будь посмешищем для народа, ты не один, чья дочь сбежала замуж, – сказала она, но, зная строптивый характер Алдияра добавила: – Эй, Бозым-бала, ты хочешь пойти в дом Жамау? Какая польза от этого?.. Ладно, может, так и надо, чтобы справиться с гневом, но оденься поприличней. В доме ведь есть сваты, которые явились вместе с невесткой.

– Какое мне дело до сватов Журки? – крикнул Алдияр из прихожей, дойдя до внешней двери.

Акнур не смогла ничего ответить.

– Вы ведь просто так не успокоитесь, у вас же в породе такое... Да где же в этом доме ведро? – ворчала старуха, гремя посудой в передней комнате.

Алдияр и сам не знал, что заставило его выскочить во двор. Словно по телу прошел электрический разряд... Он был вне себя от злости, так и вскипел! Видимо, из-за того, что бросило его в безысходность от шокирующих вестей, внезапно обрушенных снохой, он почти лишился разума и, ослепленный гневом, механически переставляя ноги, круг за кругом стал обходить дом, пока наконец не остановился. Желая успокоить себя, принялся думать об овцах и козах, но гнев, бушевавший в груди, снова омрачил сознание. «Доить корову вместе с Акнур, когда моя Бибитай сбежала... Зачем тогда нужна скотина... Зачем все остальное?» Ярость, схлестнувшись с уязвленной мужской гордостью, заставила его быстрым шагом идти в сторону дома Журки. То ли тот же гнев руководил им, то ли толкала его вперед некая сила – это известно одному лишь Аллаху. Он, как перекаати-поле, гонимый ветром, пронесился мимо одного дома, мимо другого...

Вбежав во двор Журки, огороженный высоким плетнем (напротив дома в обширном дворе находились конюшня, коровник, овчарня, курятник), Алдияр увидел, что дрова, верблюжья колочка, сено с наляпанными коровьими лепехами – все это, обычно неряшливо валяющееся, на этот раз было собрано в аккуратные кучи и стожки. Дрова и верблюжья колочка вынесены за стену сарая. Вокруг саманных печек, в одной из которых пекли хлеб, в другой – готовили пищу, а в третьей – жарили баурсаки, вычищено и выметено. Некоторые очаги сооружены заново. Не было и следа от разбросанных вперемешку с коровьими лепехами или лошадиным кизяком мелких дров возле печек для приготовления хлеба и пищи. Ему даже показалось, что эти самые печки перемещены и сложены заново поближе к скотному двору. Обрызганный водой и выровненный двор Журки стал похож на летнюю танцплощадку возле стационарного обшарпанного старенького клуба, мимо которой Алдияр много раз проходил. Бросилось в глаза, что не было во дворе и высоких шестов, вбитых для того, чтобы привязывать шнурами полог от комаров. Простыл и след от старого истрепанного дивана, восседая на котором осенью и зимой, грелся на солнышке Журка.

Глядя на все это, никто бы не усомнился, что в этом доме ночью была свадьба... И не просто свадьба, а большое торжество.

То ли Журка и Кульше только что встали или даже не спали – это было их дело, – но как бы то ни было, когда Алдияр, войдя в коридор, остановился

в растерянности, не зная, какую из трех дверей открыть, в это время хозяева вышли навстречу.

Со стороны интересно было наблюдать, как выражает гнев обычно спокойный человек. Алдияр не стал здороваться.

– Это вы помогли бежать Бибитай?! – выпалил он.

Вместо того чтобы упрекнуть его, мол, почему сначала не здороваешься с людьми, Журка и Кульше виновато засуетились, не оспаривая того, что глупо проморгали племянницу. Кульше сразу же попыталась смягчить его.

– Ойбой, наш младший пришел сердитый. Ну, как же ему не злиться, – сказала она с показным сочувствием.

Пытаясь подмаслиться, потянула за собой Журку и Алдияра, бережно провела мимо комнаты, где отдыхали гости, и ввела в другую.

– Деверь бушует. Скорее принесите чай! – властно крикнула она двум невесткам, одна из которых чистила картошку, а другая резала мясо для завтрака сватам. Потом закрыла дверь комнаты, в которую они вошли. Это означало, что никто не должен услышать разговор и побеспокоить их. Если Алдияр будет говорить на повышенных тонах, как бы не услышали его гости, как бы не вышло совестно.

– Бозым-бала, один русскоязычный парень... пропади он пропадом!

– Где вы их нашли?! – снова вспылал Алдияр.

– Да шайтан его знает. Я расспросила всех детей и невесток. Никто из них не знаком с ними.

В разговор вмешался сам Журка:

– Почему мне не сказали, что на свадьбе оказались чужие?! Я взял бы их за шкуру и стукнул головами о стенку! – сказал он, вскипая гневом, качая головой.

– Эй, подожди... Не переводы разговор. Ты что это вспылал, будто раньше кого-то уже убивал? Тут люди ни с того ни с сего дочери лишились, места себе не находят от горя...

После слов старухи Журка успокоился, и Кульше направила разговор в нужное ей русло.

– «Апа, я еду на базар в Туркестан», – поздоровалась она как-то со мной, проходя мимо. «Бибитай снова едет на базар в Туркестан» – нет-нет, да слышала я из уст детей. Наша девочка, надо полагать, сама не раз ездила туда и встречалась с зятем... будь он неладен...

Теперь Алдияр молчал. После того как деверь пришел в себя, Кульше заговорила достаточно радушным тоном:

– Поздравляю! Пусть она будет счастлива там. Она ведь девушка на выданье, значит, суждено было этому произойти. Если только не скажешь, что в том городе много русских... До Жанатаса, оказывается, рукой подать. Наши дети объяснили, за какое время можно на машине доехать...

В это время открылась дверь, одна из невесток внесла в комнату кипящий самовар. Как только принесли самовар, Кульше оборвала речь, и теперь заговорил Журка, не решавшийся перебивать свою бойкую старуху.

– Я-то переживал, Алдияр, достаточно ли двух казанов плова для всего аула. Потому что стоит только оповестить, что будет той, как жители ведут с собой детей, а то и гостей своих тащат. Поэтому мы чуть не на весах взвешивали продукты. Но всего хватило... Всего хватило...

Журка говорил обо всем этом, а его руки некоторое время тряслись, словно чаши весов над накрытым столом. Теперь, когда Алдияр и Кульше замолчали, Журка говорил свободно и открыто.

– Алдияр-жан, кому сказать, как не тебе... Нажарили три мешка баурсаков, все было съедено. Не знаю, осталась ли для тебя горсть баурсаков или нет. Если положат, знай, что это последняя пригоршня, если нет, не обижайся, милок... Ойпырмай, наверное, жители этого аула голодные или такие прожорливые... Если не голодные, то в конце концов, кажется, оголодают... Так я думаю... В карманах детей, которых привели с собой, сколько баурсаков ушло.

Кто знает, о чем бы дальше стал говорить Журка, если бы жена не посмотрела на него, выразительно расширив глаза.

– Эй, где это видано, считать еду, взвешивать плов и баурсаки, приготовленные для застолья? Ну, тогда посчитай еще морковь и лук, подсолнечное масло. Где это видано? Вот точно, старики, выжившие из ума... Для чего человек собирает добро? Для радости и торжеств семьи, детей... Где это видано?! А, пропади ты пропадом!..

Журка замолк, чай далее пили молча. Пили – это просто так говорится. После одной пиалы Алдияр положил ладонь на пиалу, даже не ответил на слова Кульше, суетливо сыпавшей словами:

– Пей, ешь... Своей доли угощения отведаешь, как только суматоха утихнет.

Алдияр, не дожидаясь ритуального благословения Журки, провел ладонями по лицу и встал с места. Кульше, оробевшая от его гневного, взъерошенного вида, поняла-таки, что не найдет нужных слов, чтобы его успокоить, и замялась.

– Хорошо, что пришел, – промолвил Журка, сам не зная, зачем понадобились эти слова.

На обратном пути Алдияр проходил мимо школы. Все ему было безразлично, в душе – что потухший самовар, мертвенно холодно... Казалось, он сожалел о том, что прибежал впопыхах в дом этих родичей. Не отрывавший глаз от дороги, Алдияр вдруг увидел следы машины возле школы и понял, что дочь украли после ночного дождя. Похоже, что машина забуксовала в грязи, когда тронулась с места. Он узнал тонкие следы шпилек Бибитай среди многих следов мужских ботинок.

Алдияр тоскливо вздохнул, когда узнал следы туфель дочери. Он обмяк, в горле застрял горький ком. Но он удержался от слез, не дал им волю, потому что мимо проходили школьники. Несколько мальчиков даже подошли и поздоровались.

Теперь Алдияр нисколько не сомневался в том, что Бибитай сама сбежала. А ведь, бывало, задумывался о том, что дочь уже повзрослела. В такие минуты принимал твердое решение устроить проводы невесты, как когда-то провожали ее маму. Затем в вытекающих из этого мечтах воображал, как одевает ее во всякие наряды, справляет проводы, как невеста рыдает, причитая, да и как он сам льет слезы, отправляя дочь. Представляя все это, он думал: «Нет, до этого еще далеко», и радовался тому, что далеко, что можно отложить проводы в долгий ящик. Затем, все-таки понимая, что Бибитай рано или поздно оставит его, страдал, тосковал, будто дочь уже выросла и покинула дом. И вот теперь... Эти мечтания вдруг обернулись правдой... Алдияр шел домой обессиленный, еле переставляя ноги.

Акнур отогнала корову, овец и коз на пастбище. Алдияр снял лишь сапоги, в верхней одежде прошел в комнату, лег на одеяло напротив входа, подложив под

локоть подушку, и до самого обеда размышлял о том и о сем. Сон не шел. В полдень шустрый внук Прали позвал его на чай. Алдияр в спешке сполоснул лицо водой из чайника и последовал за быстрым мальчиком.

Во время чая Акнур сообщила, что до обеда успела пообщаться с девушками и женщинами, теми, что были на свадьбе. Якобы стало известно уже во время свадьбы, что она сбежит с одним из жанатасских джигитов. Бибитай с ним танцевала под узбекскую музыку и даже спела песню на русском. Сноха попыталась развить эту тему, но никто не поддержал и не возразил ей.

Прали больше интересовался не сбежавшей девушкой, а тем, сколько Журка потратил на свадьбу сына риса, мяса, сколько с туркестанского базара было привезено того и сего для застолья, выяснял подробности у жены. У Алдияра ни к кому никаких вопросов не было. Он не участвовал в разговоре. С угрюмым видом нехотя вкусил рисовой каши, приготовленной Акнур, но с удовольствием угостился густым чаем с молоком.

Вернувшись домой, снова прилег на диван, но и в этот раз не сомкнул глаз. В бесконечных раздумьях, ощущая себя обессиленным, будто безысходно блуждал в дремучем лесу, ворочался он с одного бока на другой. Затем вдруг вспомнил о собаке: «Ойбой, собака же голодная! Как же я мог оставить ее без пищи, она же самый верный мой спутник после Бибитай?» – сказал он про себя, поднялся и принялся разогревать суп с лапшой, приготовленный Бибитай перед уходом на свадьбу.

Суп быстро разогрелся, он одну чашку с костями вынес и налил собаке. Алапар, попавший к нему еще щенком, выскочил из конуры, виляя хвостом. Обычно он путался под ногами, а когда хозяин был в хорошем настроении, даже прыгал ему на грудь, но на этот раз пес не стал баловаться. То ли побоялся хозяйского гнева, то ли его одолел голод... Он, не медля, погрузил морду в миску. Алдияр долго стоял, наблюдая за тем, как жадно ест собака, истово грызет кость, держа ее передними лапами. Он стоял так, потому что больше никаких дел не было... К тому же в оставшейся жизни, похоже, ему не осталось ничего, кроме как созерцать то, как ест его Алапар... И он смотрел на собаку с еще большим умилением, точно она была родным ему человеком.

Когда он, вернувшись в дом, принялся за свою порцию супа, то вдруг вспомнил слова Бибитай. «Вечером разогреете... потом утром разогреете...» – так она давала знать, дескать, останешься теперь ты один. «Моя Бибитай... Единственная моя во всем мире... Ты оставила меня... Милая моя, как же мне быть... Что делать?» – расплакался он. На этот раз он разрыдался по-настоящему. Видимо, голос его был пугающим: полосатая кошка, весь день лежавшая возле печи, вдруг вскочила, повернулась к хозяину и стала смотреть на него долгим пронизывающим взглядом.

В этот раз Алдияр обливался слезами долго. Он не стал сдерживать себя. Горевал ли он так, когда лишился родителей? Скорбел ли он так, когда умерла его любимая жена Шекеркуль, с которой жил в любви и согласии? Он не помнил. Суп так и остался в тарелке, ложка забыта зажатой в руке. Он, рыдая, молил: «Моя Бибитай...», и его сердце разбилось на мелкие кровоточащие кусочки. Кроме кошки возле печи, скорбно наблюдавшей за хозяином, не было никаких свидетелей плача Алдияра, прежде не отдававшего страданию такой глубины и силы.

...На следующий день после полудня, запинаясь о подол платья, вбежала Акнур.

– Бозым-бала, приехал человек, чтобы просить прощения.

Алдияр ничего не ответил. Лишь стоял, уставившись в окно.

– Что мы им скажем? – спросила Акнур, усаживаясь на поленицу у входа, зная, что от Алдияра не так просто будет дождаться ответа. – Мы должны простить... И потом, вещи дочери... Было бы достойно, если с нашей стороны поедет с ее вещами сноха или подруга Бибитай.

– Чего ты беспокоишься? Не твоя ведь дочь сбежала, – сказал Алдияр, все еще хмурая брови.

– Ойбай, Бозым-бала... Человек, явившийся просить прощения, сидит в нашем доме, страшась твоего гнева. К тому же наша свояченица Мульше в доме Жамау разболтала всем, кто приходит к ней в дом или проходит мимо, – куда и за кого вышла наша дочь. Если хотите, скажу... Наш зять, оказывается, племянник свата Жамау в Туркестане. Вот так-то... Значит, тех парней, приехавших на свадьбу из Жанатаса, Мульше могла и знать!.. Если надо, я еще скажу... Мульше наша пустила слух о том, дескать, что спозаранку, лишив покоя, прибежал деверь и потребовал: «Хоть из-под земли придется достать, найдите девушку до рассвета!» Он, говорит, был вне себя от злости. А тот, кто явится просить прощения, пускай, говорит, остановится не у отца, а у его брата, если хочет поладить миром... Так она знала, с кем сбежала наша дочь, или нет? Вот оно как... Раз уж пришлось говорить, так и я облегчу душу, – глубоко вздохнув, выговорила Акнур.

Алдияр до сих пор не проронил ни слова. Стоял и смотрел в окно.

– Невестка готовит плов. Пообедай вместе с человеком, приехавшим просить прощения. При нем не стоит обижаться и ронять достоинство. Ты не первый, чья дочь сбежала замуж... Я соберу вещи дочери, – сказала Акнур, вставая с места, оставила обувь у входа и прошла в комнату. Стала копаться в чемоданах Бибитай. Вытаскивала из шифоньера некоторые летние, зимние вещи.

Алдияр не стал вмешиваться в дела Акнур. Все еще стоял и смотрел в окно.

– Бозым-бала, эта девушка готовилась к побегу за сорок дней. Смотри... Она положила летние вещи в один, а зимние в другой чемодан. Тут даже ничего менять не надо.

Алдияр и на эти слова снохи не обернулся.

– Оказывается, все готово. После чая отдадим два чемодана в руки человека, приехавшего просить прощения... Все! Пошли пить чай, – сказала Акнур, передвигая два больших чемодана к порогу и надевая калоши. Затем продолжила, и в голосе ее уже послышалась строгость: – Идем, хватит стоять, как ледяной столб! Пусть все закончится хорошо... Моли Аллаха, чтобы на новом месте она была счастлива. Сваты – чужие, пока к ним не привыкнешь, потом они станут тебе и другом, и родней.

Алдияр был вынужден повернуться и следовать за снохой.

Смуглый худощавый джигит с волосами чуть короче, чем у женщины, вышел навстречу и суетливо поздоровался. «Видимо, это и есть тот самый человек, приехавший просить прощения», – подумал Алдияр, еле шевеля губами в ответ.

Все сели за стол. «Поздравляю, пусть будет счастлива!» – снова и снова повторял Прали. Остальные молчали.

Перед сидящими расстелили скатерть, положили нарезанный хлеб, принесли исходящий паром плов. Все, в том числе обиженный Алдияр и проситель прощения, были заняты едой, а когда немного насытились, Прали и этот джигит с длин-

ными волосами завели речь о каком-то строящемся или закрывающемся заводе в Жанатасе. По всей видимости, начали обсуждать это еще до прихода Алдияра. Он и не стал встречать. Мало того что ему был неинтересен разговор, не по душе как-то была словоохотливость брата. «Ойпырмай, наш Преке так вдохновенно говорит, словно сам устраивается на работу на тот завод», – подумал он.

После чая Акнур завела человека, приехавшего просить прощения, в дом Алдияра, мол, нужно заглянуть в дом к свату. Там вручила два чемодана джигиту «Это вещи дочери. Если чего-то не хватает, со временем передадим».

Когда тот человек сел в машину, Прали и Акнур не ушли к себе, а остались в доме Алдияра. Тем самым они хотели утешить и поддержать его. Однако он не чувствовал ни малейшего повода для радости. Дом, покинутый дочерью, казался навечно опустошенным, к тому же со вчерашнего дня здесь не топили печь, и было холодно.

Акнур, рассудив, мол, не сидеть же молча, затеяла разговор:

– Помимо этого, с длинными волосами, у нашего зятя есть братья, близкие друзья. Но никто из них не осмелился приехать и просить прощения... Зять наш окончил русскую школу, учился в стоматологическом техникуме...

Чувствовалось, что Акнур хочет поднять настроение Алдияру. Однако никто ее не поддержал. Прали, услышав, что зять учился в стоматологическом техникуме, почему-то широко открыл рот и стал указательным пальцем трогать зубы, часть которых была выщерблена, другие съедены кариесом.

Уже выходя из дома со своим стариком, Акнур повернулась к Алдияру.

– Бозым-бала, наверное, следует растопить печь. Несмотря на то что на улице тепло, дом лучше согреть. Если есть дом, откуда сбежала дочь, найдутся люди, желающие утешить хозяина, – сказала она с сочувствием.

Алдияр и на этот раз промолчал. «Не стану топить печь, – сказал он про себя, подстегивая злость. – Как я могу согреть дом, который сам Аллах остудил. Не буду топить...» А в голове его все вертелись слова Акнур: «Эта девушка готовилась к побегу за сорок дней... Она положила летние вещи в один, а зимние – в другой чемодан». «Скрыла планы от родного отца, обманула... Моя Бибитай... Я лелеял, холил ее, мол, моя Бибитай... Выходит, она не была со мной до конца честной? Что я могу сказать, если она не выросла похожей на мать, не пошла по ее стопам...»

В какой-то миг Алдияр почувствовал холод по отношению к дочери. Не осталось вдруг и следа от вчерашних страданий и бурных слез. Сегодня он выглядел настолько суровым, будто с рождения был таким. Он посуровел не только внешне – все заледенело внутри. Сейчас он даже удивлялся, отчего вчера так разбушевался. Потом подумал: «В холодном доме и человек становится таким же...»

После обеда Алдияр вышел во двор и принялся рубить дрова. Вечером загнал корову, овец и коз, вернувшихся с пастбища, в хлев. Ночью разогрел и съел остатки супа, приготовленного дочерью. Выскоблил ножом и обгрыз кости. Он был методичен и строг. Казалось, ничто не смягчит его. Очень сильно он обиделся на дочь, сбежавшую замуж...

Как-то вечером, спустя неделю после этих событий, Алдияр, вычистив от навоза сарай и скотный двор и желая немного передохнуть, замер у дома, опершись на рукоятку лопаты и устало смотря на багровый закат, – как вдруг рядом

с ним притормозил почтальон на велосипеде, приехавший с вокзала, и вручил письмо. Алдияр недоуменно поглядывал то на подростка, то на конверт – он не привык получать письма. Если бы у него были дети или родственники, которые бы учились или работали в другом городе... Была лишь единственная Бибитай... Как только пришла в голову мысль о Бибитай, он вперился взглядом в надпись на конверте. Он начал всматриваться, потому что, только взяв письмо в руки, сразу подумал: «А ведь почерк похож на женский». Теперь, глядя более внимательно Алдияр узнал почерк дочери. Может, ему и не дано распознать почерк других, но почерк Бибитай ни с каким другим он не спутал бы.

На конверте было аккуратно выведено: «Станция Аккум. Аул Узынарык. Нуршабекову Алдияру». Убедившись, что письмо написано рукой Бибитай, он со всех ног поспешил домой. «Если вдруг кто увидит меня с конвертом, может заинтересоваться, мол, от кого письмо?» – подумал он, оглядываясь по сторонам.

У аульчан существовало правило: до полугода, а то и года не переписываться с девушками, сбежавшими ли или теми, для кого устроили проводы невесты. Если до жены Журки – Кульше дойдет весть о том, что Алдияр сегодня получил письмо от Бибитай, она, прищлепнув губами, непременно начнет насмеяться: «Не успела еще убежать... будь она неладна... Неужели девица умоляет, мол, заберите меня отсюда?» Да и ладно, что взять с Кульше? Есть у нее основания так говорить... Ведь это правда, что он ни свет ни заря примчался к ним домой и заявил: «Мою дочь украли на твоём празднестве!» К тому же они самые близкие его родственники... А если об этом письме узнает Акнур, первой принявшая гонца от сватов, что приехал просить прощения, его сноха, приготовившая одежду дочери и все остальное уладившая своим языком? Одному Аллаху известно, как она еще запоет!

Алдияр был удивлен тем, что дочь прислала письмо так скоро, но и испугался людской молвы. Однако в душе он был не против письма. Более того, кажется, обрадовался ему. «Если Бибитай затеет дело, до которого никто не додумался, что же из того?»

Сердце его бешено колотилось. Войдя в дом, он сразу же включил свет. По привычке, торопясь, стряхнул сапоги с ног, вошел в комнату, потом вернулся назад и закрыл дверь на крючок, порадовавшись, что вспомнил о крючке. Устраиваясь на диване, поспешно разорвал край конверта, вытащил листок бумаги в клетку. Не успел расправить исписанный листок, как вдруг перехватило дыхание. Отдышавшись, со всем вниманием принялся читать.

«Коке! Единственное утешение мое, единственная опора моя... Мой коке... Вы на меня обиделись? Небось думаете: “Как же она могла так поступить?” и обижаетесь на меня? Я знаю, что не к лицу, не по-людски это – спешить писать отцу, даже не успев привыкнуть к дому, в который вошла невесткой. Но я не могу не писать. Коке-е... Нет у меня никаких сил больше терпеть. Я не могу себе простить, что бросила на растерзание людской молвы человека, который был для меня и отцом, и матерью, вырастил, балуя меня, окружив любовью и лаской...

Конечно же, вы не знаете о том, что много раз я пыталась обо всем этом рассказать вам, что всякий раз на глаза наворачивались слезы, и я вынуждена была отворачиваться и отходить от вас. Не обижайтесь на меня, коке... Видеть меня счастливой – ваша заветная мечта, не так ли? В таком случае, прося прощения за свой поступок, хочу вас обрадовать. Я счастлива! Ваш зять любит меня. И я его люблю. Остальное все мелочи, не так ли?»

Когда Алдияр дошел до этого места, из его глаз хлынули слезы. У него дрожал подбородок, душили спазмы, и он не смог читать дальше. Всего два-три дня назад он был так сильно обижен на Бибитай, что не хотел больше ее видеть. «Бибитай моя, милая моя, сколько раз ты заставила меня так и этак думать, переживать...» – сказал он, нащупывая носовой платок в боковом кармане, как вдруг ему в голову пришла мысль. Он придумал, как написать ответ Бибитай! «Напишу и положу в конверт. Напишу адрес той стороны, а в месте, где должен быть мой адрес, распишусь, как и Бибитай. Кто и что может узнать тогда об этом письме? Даже если и узнают, какое мне дело до мнения других? Если узнают, если покажется это неприличным, – пусть обсуждают, ухмыляются. Есть ли большее счастье для меня, нежели раз в неделю перечитывать письма, написанные рукой моей Бибитай, слова в конверте, в которых бьется сердце моей Бибитай? Есть ли другая заветная цель?»

Он был сильно взволнован, наклонялся то в одну, то в другую сторону. Вытащив наконец свой носовой платок и вытирая слезы, он немного успокоился и пробормотал: «Милая Бибитай, я ведь учусь этой хитрости, успокоившей мою душу, у тебя. Ты меня научила...» – чувствуя при этом себя так, словно нашел то, что долго искал.

3

Когда скончалась Шекеркуль, Бибитай было восемь или девять лет – Алдияр точно не помнил этого. Помнил лишь то, что она училась во втором классе. Шекеркуль умерла и похоронили ее, пока Бибитай была в школе, поэтому девочка не сразу поняла, куда делась мать. Может, она в то время и не совсем понимала, что такое смерть... После похорон матери Бибитай, перед уходом в школу жуя кусок хлеба и запивая его горячим молоком, спросила шепотом: «Коке, а где мама?» И этот шепот подсказывал, что она заподозрила неладное.

Алдияр остолбнел. Он и сам не знал, почему так растерялся: может, поразился тому, что дочь еще не осознала, что мать умерла, или потому, что не ведал, как объяснить ей все. Самым трудным было во что бы то ни стало ответить Бибитай. Потому что наивная девочка с оттопыренными ушами, не сводя с него глаз, все ждала ответ, забыв о молоке и хлебе. Алдияр не понял даже, как так получилось, но он как-то безразлично произнес: «Мама уехала в Самарканд». Ему нужно было что-то сказать. Вот и вырвались эти слова... Удивительно, но дочь поверила. Хлопая ресницами, она посмотрела на отца, взглядом переспрашивая: «Да?» – потом, успокоившись, стала доедать хлеб, пить молоко. Лицо девочки выглядело безмятежным, словно она смирилась с тем, что ее обманывают.

В тот день дочь Бибитай больше ни о чем не спрашивала у Алдияра. На следующее утро тоже не проронила ни слова – съела хлеб с горячим молоком и отправилась в школу. И все же именно в эти дни кое-что произошло между ними, когда дочь вернулась из школы, и это событие осталось в памяти.

Девочка торопливо прошла через внешнюю, затем через внутреннюю дверь, кинула сумку с книгами и тетрадами на тор и сказала со слезами на глазах:

– Коке, вы же меня обманули!

Алдияр, собиравшийся вскипятить чай и державший в руках нарубленные для растопки печи ветки, замер. Потом мягко спросил:

– Как обманул?

– Мама, оказывается, не уехала в Самарканд!

Выговорив это, девочка упала ничком на войлок и разрыдалась. Алдияр, не зная, как успокоить дочь, опешил. Потом, растерянный, бросил на пол дровишки, которые должен был положить в печь, и устремился к дочери.

– Кто тебе это сказал?

– Дети сказали.

Девочка, произнеся это, зарыдала еще сильнее.

– Успокойся, милая моя. Перестань...

– Не перестану... Вы обманули меня...

– Так случилось. Мама ушла, оставив нас обоих, – сказал Алдияр, всхлипывая.

– Куда?

Алдияр растерялся еще больше. Сел на край войлока, посадил дочь на колени, стал целовать ее личико.

– Доченька, как же куда? Ты ведь сама слышала.

– Они врут! Говорят, что моя мама не вернется. Она ведь вернется, коке... Вернется?

– Вернется, – сказал Алдияр дрожащим голосом.

Не только маленькая Бибитай, но и сам он, взрослый, не ведал, откуда, когда и как она возвратится.

Через некоторое время Бибитай накрыла стол, Алдияр нарезал хлеб, почистил вареные яйца, они стали пить чай. Девочка больше не задавала вопросы ни о матери, ни о Самарканде.

...В те времена Алдияр был занят разными неотложными работами в совхозе. Зимой на тракторе доставлял сено к отдаленным отарам. Ремонтировал кошары. Помогал чабанам, когда овцы давали приплод.

Как-то весной вместе с трактористом они поехали, чтобы перевезти дом чабана из Кызылкума на склоны Каратау, рассчитывая вернуться на следующий день. Так он и объяснил Бибитай, убедив ее переночевать одну ночь в доме Прали. Надо же было такому случиться, что по пути их трактор сломался, они не доехали до отары и два дня ночевали в степи. За ними приехал другой трактор, они перевезли чабана из Кызылкума в горы и вернулись в аул.

Когда он выходил из трактора возле дома, то увидел Бибитай, ожидавшую его вместе с щенком Алапаром, которого они недавно взяли. Видимо, девочка соскучилась по отцу или была сильно напугана, но ее пронзительный крик: «Коке-е!» – взметнулся выше рокота трактора, и девочка со щенком наперегонки побежали ему навстречу, – Алдияр даже не знал, кого из них обнять первым.

На этот раз Бибитай не плакала. Когда они вместе накрывали на стол, она, чем-то обиженная, надула губы и нахмурила брови. Выключив свет, они легли спать, а когда отец обнял и поцеловал дочь в лоб, она сказала печально:

– Коке, поцелуй еще раз.

Алдияр стал целовать снова и снова дочку в лоб и щеки. Девочка долго лежала, обняв за шею отца.

– Если бы мама была дома, я бы так сильно не боялась. Мне не было бы так одиноко... – произнесла она спокойно, как взрослая.

– У нас сломался трактор... Работа есть работа, доченька, – сказал он невольно в свое оправдание. Но не был уверен, поверила ли его словам Бибитай. Потому что она, вместо того чтобы ответить, крепко обняла его за шею и тяжело вздох-

нула. Алдияр впервые заметил, что вздох ребенка может быть столь печальным и тяжелым.

Бибитай была капризной и вспыльчивой, пока полностью не осознала свое сиротство. Она легко обижалась на отца, сердилась на него. Разлад мог наступить в любой момент. Даже когда они вместе готовили кушать, хлопотали возле очага... Дочь могла обидеться на любую мелочь, например, когда Алдияр делал замечание: «Доченька, почему ты неправильно привязала теленка?» или: «Можно же аккуратнее лить молоко в казан, не расплескивая», – иногда эта обида затягивалась до вечера, а то и на два-три дня. Собираясь в школу, бывало, она сообщала: «Ты неправильно заплел мне косички», и, расплетя красиво заплетенные Алдияром волосы, начинала приводить прическу в порядок сама. Было бы хорошо, если бы она заплела лучше, чем Алдияр. Понимая, что она капризничает, потому что нет матери, Алдияр пытался всячески угодить дочке, чтобы оправдаться в ее глазах.

Бывало, и сам он не на шутку обижался на дочь, расстраивался донельзя. В такие минуты Бибитай отступала от своего, признавая, что зря обидела отца, и поднимала ему настроение, рассказывая что-нибудь веселое.

Конечно, в то тяжелое время в их отношениях были не только обиды и пререкания. Порой Бибитай с веселым смехом выполняла работу по дому. К примеру, засучив рукава, вся в саже и копоти, хлопотала у очага, дескать, приготовлю мамины оладьи, и хотя стряпня не получалась – оказывалась сырой, отец все-таки не журил ее, а нахваливал: «Оладьи получились, как у мамы» или «Какие вкусные лепешки!» В такие минуты девочка радовалась, воображая, что все женские дела в этом доме отныне будет делать сама, – и оттесняла Алдияра от печи...

Сейчас он понимал, что в те годы они с дочерью жили в этом доме душа в душу. Даже минуты, когда они обижались друг на друга, теперь казались такими трогательными, такими забавными...

Окончательно убедившись в том, что мать не вернется из Самарканда, Бибитай стала приспособливаться к жизни без нее, стараясь помочь отцу, угодить ему, пусть даже иногда это у нее не совсем получалось. Подметая дом или растапливая печь, девочка иногда напевала себе под нос. Голос ее был нежным и печальным. Алдияр, лежа на одеяле напротив входа, подложив подушку под бок, делал вид, что дремлет, и не уставал слушать песни дочери. И в эти мгновения Алдияр ничего не желал так сильно, как счастья для своей дочери.

Разве не был небольшим праздником тот день, когда она в первый раз, взяв ведро и повязав на голову платок матери, а на пояс – фартук, пошла доить корову?.. Однако какой же праздник... Разве это не растрогало и одновременно не обожгло тоской Алдияра? Или лучше было бы это назвать сбывшейся маленькой мечтой девочки, так сильно скучавшей по маме?

Алдияр был необычайно взволнован, когда Бибитай присела к вымени и начала доить корову своими тонкими пальчиками, утопавшими в сосцах, придерживая ведро меж коленок. Поглаживая шею и холку коровы, он думал только об одном: как бы строптивное животное, пренебрегая юной дояркой, не заставило разочароваться Бибитай, которая, одевшись как мама, приступила к такому большому делу.

Корова не стала артачиться. Стояла спокойно, без движений. Все же пальчики девочки были еще слабенькими для большого вымени коровы, и она не

смогла сдоить всего молока, – оно не пенилось и не пузырилось, как обычно. Но когда дочь закончила свою первую дойку и встала с места, Алдияр не придавал значения тому, сколько молока она надоила, а радовался безмерно за нее: она широко улыбалась, понимая, что кое-что свершила, что в столь важном деле по хозяйству смогла заменить мать. Потом они вскипятили те самые полведра молока, сделали простоквашу и ели ее, – дочь просто расцвела от счастья. Словно на седьмом небе оказалась она, когда Алдияр сказал: «Молоко, которое надаивала твоя мама, было таким же вкусным, как это...» Материнские платок и фартук, которые нужны были, только когда доили корову, Бибитай повесила на самом видном месте.

Пусть и не настолько значительные для других, чтобы кому-то о них рассказывать, в их жизни бывали такие счастливые события, которые радовали душу потом долгое время.

После окончания начальной школы в ауле Бибитай вместе с другими детьми была определена в школу с восьмилетним образованием на железнодорожной станции. Руководители совхоза для перевозки детей выделили телегу с волом, сославшись на то, что машины и трактора нужны для хозяйства. Извозчиком был назначен Алдияр.

Никто из стариков Узынарыка, сидящих в зимнее время без работы, не был бы против заработной платы извозчика. Хотя она была и невысокой, все же это был доход. К тому же, арбакеш³ привезет детей из школы, а потом сам решает, где и как использовать телегу, главное, чтобы телега и волы были в целости и сохранности.

Алдияра привлекала не зарплата и не выгоды этой работы. Была лишь одна причина, по которой он просил директора фермы назначить его извозчиком. Этой причиной была Бибитай, которая ездила на той телеге в школу. К тому же работа казалась ему удобной и легкой. Вечером он наполнял короб арбы скошенной травой, чтобы мягче ехать детям и было чем кормить потом волов, а доехав до дома, освобождал животных от упряжи и подкладывал им этой же травы. На следующее утро запрягал волов, Бибитай усаживалась на самое удобное место, и он, взмахнув плеткой и крикнув: «Шу-у!» – трогался с места, а тем временем другие дети выбегали и подсаживались в телегу.

Убедившись, что все девять детей на месте, Алдияр сильнее стегал плетью волов, громче понукал их. Оставалось теперь лишь вовремя доставить учеников в школу на железнодорожной станции в шести километрах от аула. Он сопровождал ребятню в школу, а когда пять часов учебы проходили, все девять мальчиков и девочек с шумом выбегали из разных классов, усаживались в телегу и, отъехав от железнодорожной станции, начинали галдеть, общаясь по двое, трое, – и так до самого Узынарыка.

Не то было по утрам, когда дети садились в телегу в ауле. Кто-то обязательно не выспался и шел, хотя и не плача, но готовый вот-вот расплакаться из-за того, что отругали родители. Другой, сев спиной к остальным, уплетал ломоть хлеба. Были такие, кто бежал во всю прыть к подъезжающей арбе, но были и такие сони, кто, протирая глаза, клюя носом, опаздывал к отъезду.

Зимой дети сидели, сгрудившись, словно цыплята, прятались от пронизывающего ветра, но как только ветер стихал и выглядывало солнышко, они, сбросив

³ Арбакеш – извозчик.

дрему, быстро съедали хлеб, который брали с собой в дорогу, и начинали петь. Было бы вернее сказать, что они пели не хором, а скорее по отдельности, состязаясь меж собой. Если кто-то начинал мотив, другой заканчивал вторую строчку, переходя на начало третьей, и в конце концов даже тот, кто сел на телегу с заплаканным видом, начинал подпевать свободно, без стеснения. Те же, кто не подпевал, просто шевелили губами. Алдияр, не ленившийся оглядываться на них, видел все это и тихо улыбался.

Ему нравилось, как дети шумят в телеге. Потому что среди девяти то уступающих друг другу, то не уступающих песенных голосов был голос и его Бибитай. Какой же у нее был голос! Среди девяти взлетающих ввысь голосов ее был самым красивым, особенным! В воображении Алдияр представлял, что когда Бибитай вырастет, то непременно станет певицей. Он не просто предполагал – он мечтал об этом. В его грезах дочь пела на сцене, и он так верил, что мечты сбудутся, что иногда даже во сне видел, как прекрасно поет Бибитай.

Вовремя доставив детей в школу, Алдияр не терял попусту время. Железнодорожники хорошо знали Алдияра: летом он косил рядом с ними траву и работал на бахчах Узынарыка, а те, кто не огородничал сам, брали арбузы и дыни из этого аула – бывало, и у него, покупали пшено и тыкву для поста или обменивали на старые негодные железнодорожные шпалы, уголь, буханки хлеба. Общительные железнодорожники никогда не забывали про арбакеша, того, кто, кормя половиной скошенной травы волов, каждый день ожидал детей возле школы или с тархтением проезжал туда и обратно. Они по очереди приглашали его на чай. Он был почетным гостем и во время угощений, устраиваемых с богоугодной целью.

Два-три раза в неделю он бывал в магазине на станции. Там продавались хорошей выпечки хлеб, сахар с чаем. Иногда он покупал для своей Бибитай зеркалацце, расческу, духи или мыло и раскладывал все по карманам.

В те дни, когда Алдияр не ходил в магазин и его никто не приглашал к себе, он заходил к Битаю, с которым сызмальства они росли вместе в Узынарыке, – тот переехал ближе к станции и работал сторожем и кочегаром в школе. Растапливая печь в просторной подсобке, где с одной стороны были собраны уголь и дрова, они, перебивая друг друга, вели разговоры о железной дороге, об Узынарыке и порой не замечали, что пятый урок закончился. Алдияр появлялся, когда дети уже сидели на телеге, шумя, как цыплята, в ожидании извозчика.

Алдияр хорошо одевал Бибитай со школьных лет. Редко кто выделялся новой одеждой среди девяти ребят из Узынарыка и девяноста пяти других со станции. Многие донашивали перешитое старье старших братьев и сестер. Среди четырех старших классов той школы в броских обновках ходила лишь Бибитай. Или Алдияру так казалось?

Все, что оставалось от покупки сахара, чая и муки, он тратил на одежду для дочери. Боже, что там его зарплата... Была ли зарплата в ауле достаточной даже в советское время? Каждый год Алдияр продавал бычка или корову, чтобы купить одежду для Бибитай. Ему казался не совсем уместным нездоровый интерес сельчан, придававших большое значение тому, как он одевает свою дочь. Брат Прали и сноха Акнур, близкие родственники, которые нередко угощались в его доме, в лицо говорили одобрительно: «Как хорошо получилось! Скупиться ли тебе для Бибитай? Поздравляем!..» – а за глаза распускали слухи по всему Узынарыку,

дескать, продал быка в Туркестане, а на вырученные деньги одел Бибитай. Эта молва впоследствии доходила и до Алдияра, но он не придавал значения таким разговорам, лишь усмехался.

Так Бибитай окончила восьмой класс. Окончила хорошо. Если бы она изъявила желание учиться дальше, Алидяр был готов сделать всё для этого. Он мог продать больше десяти голов крупного рогатого скота вместе с их телятами, около тридцати голов овец и коз. Но Бибитай не захотела. Как-то она сказала: «Если я поеду учиться, кто будет следить за тобой?» – и тогда Алдияр не смог настоять на своем, мол, ты непременно должна учиться!

Алдияру и в голову не приходило, что Бибитай так скоро выйдет замуж, а уж тем более сбежит. И теперь он был немало удивлен тем, что не допускал такой мысли. Почему-то он думал, что она еще долгие годы будет красой отчего дома, его помощницей... И вот теперь... Когда его голову и бороду выбелила седина, он понял истинное значение слов: девушка вырастает за одну ночь. Бедолага, он, может, и хотел бы понять это раньше, но не смог. И разве теперь Всевышний силой не разъяснил ему это, в одночасье заставив осознать такие вещи?

4

Алдияр раскашлялся. Кашляя, посидел немного в темноте и снова лег.

Он хотел бы избавиться от мыслей, вот только мысли не хотели покидать его. Они крепко взяли его в полон. Алдияр снова повернулся с боку на бок. Но как бы ни ворочался, мысли неотступно следовали за ним.

Старик вспомнил о сарае, о коровах и уже сбросил с себя одеяло с мыслью: «Пойду, еще раз проверю». Но с места не встал. Когда очнулся полностью, тело дрожало то ли от холода, то ли еще от чего – какое-то непонятное состояние. На самом деле это был страх, который опять его одолевал. Ощущая, что это страх, Алдияр все же не хотел ни обдумывать это, ни признаваться себе в истинных чувствах до конца. «Зачем я вспомнил о скотном дворе, коровах, отбросив сладкие мечты?» – подумал он, укрылся и повернулся на другой бок.

Он заставил себя закрыть веки, хотя сон не шел. И даже с закрытыми глазами он думал все о том же. Обычно перед сном Алдияр зевал раз за разом, широко раскрыв рот, сегодня не было и этого... Тысячами ручейков, стекающих с больших и маленьких ложбинок и сливающихся в одно беспокойное озеро, набегали на него бесконечные воспоминания. Сколько бы он ни думал, эти мысли были как нескончаемая река... как безграничное море...

5

Не прошло и месяца после того, как жанатасцы сделали Бибитай своей невесткой, и вот они пригласили ее родственников на сватовство. Алдияр со своим братом Прали и снохой Акнур, втроем выпив целый самовар чая, пришли к решению: «К нам троим как родственница присоединится еще жена Токашбая Сырга и как подруги Бибитай – две девушки из аула, ее одноклассницы». Когда обсуждение дошло до Кульше, мнения разделились.

– Зачем нужна эта черная старуха Журки? – пробурчал недовольно Прали.

Алдияр дал знать, что думает так же. Но Акнур, шушукаясь то с одним, незаметно для второго, то с другим, заставила подчиниться мужчин, мнивших себя

этакими хозяевами домов, гордыми главами семейств, облаченными в жилетки из овчины. «Как же одна женщина затуманила мозги двум мужчинам и склонила их на свою сторону? Что она сказала им?» – подумали бы люди. Ровным счетом ничего не сделала. И ничего лишнего не сказала. Словно всю ночь ела одно только мясо, теперь пиалу за пиалой опрокидывала она в себя густой чай с молоком, с хрустом обкусывая крупными зубами сахар-рафинад, привезенный из магазина на станции.

– Никак нельзя пренебрегать человеком, который, хотя и невольно, все же стал виновником встречи в Туркестане нашей девушки и их джигита. Такой человек поспособствует согласию заинтересованных сторон и станет посредником в правильном решении вопросов, – сказала она, тем самым взяв верх над сидевшими на почетном месте стариками.

Ну чем это не победа! Акнур, снова с хрустом откусив кусок сахара и пригубив чаю, сначала глянула на аксакалов, а затем уверенно повернулась к ним всем телом, вопрошая: «Ну, что вы скажете на это?» Мужчины же, один потянувшись за сахаром, другой – за нарезанным хлебом, замялись. Разногласия на этом закончились.

– У нашей девушки есть родственники со стороны матери. Вы помните о них? Если не будет людей с их стороны, сватовство не будет полноценным, – заявила теперь Акнур и добила согласие на то, что с той стороны реки явятся младший брат Шекеркуль с женой.

Мужчины только и делали, что кивали головами.

– Чтобы не искать транспорт, сойдя с поезда с нашим грузом, лучше отсюда сразу выехать на автобусе. Шофер автобуса тоже будет сватом, – добавила она.

– Эй, какой еще шофер?! Где это видано, чтобы шофер был сватом! Пусть я оглохну, если когда-либо слышал о таком, – сказал Прали, подняв голову и посмотрев с угрозой на свою старуху.

– Эй, старик, – ответила Акнур, положив на стол кусочек сахара, который хотела откусить, и поставив пиалу чая, который хотела выпить: – Что ты знаешь вообще, а-а? Что ты видел, что слышал... кроме того как таскать от порога к шкафу и обратно чашку с насыбаем⁴, а-а? Что говорить о другом, разве ты когда-нибудь вникал, как едут и возвращаются со сватовства в этом ауле и чем все заканчивается, а-а?

Прали, потеряв разом грозный вид, съезжился. Он не мог сказать ни «знаю», ни «не знаю».

– Ну, тогда я тебе... Не только тебе, вам обоим скажу! Когда старик Ургенишбай, живущий около железнодорожной станции, возвращался со сватовства с родственниками, навеселе, в праздничном настроении, шофер с досадой сказал им: «Вы не включили меня в число сватов. Не заплатили, сколько причитается... мать вашу!» – и в зимнее время оставил их на улице. Вытурил из автобуса и бросил на морозе в степи! Они простояли два часа, трое из сватов обморозили себе щеки, женщина, поехавшая на сватовство в туфлях, попала в больницу с обморожением ног. Если вам и этого мало, без всякого труда скажу вам еще... В том самом Туркестане один шофер, нажравшись водки, потребовал: «Включите в список сватов меня сейчас же, иначе не сядете в машину!» Вот так неожиданно он опозорил сватов, слишком радовавшихся своей удаче.

⁴ Насыбай – нюхательный табак.

Акнур, переведя дух, посмотрела на двоих, сидящих на почетном месте, мол, достаточно того, что уже услышали, или продолжить. Близкий к смятению Прали растерянно кивнул: «Достаточно того, что ты рассказала... Мы все поняли». Алдияр тоже кивнул. Если бы этим двоим сейчас сказали: «Вместо вас поедут два шофера, а вы остаетесь в ауле», – они немедленно согласились бы.

Спустя неделю девять человек съездили на сватовство в Жанатас. А еще через три месяца тринадцать человек, включая шоферов, приехали из Жанатаса на сватовство.

Прали начал возмущаться:

– Мы поехали к ним вдевятером, почему же их тринадцать?

Но в разговор вмешалась Акнур:

– Ты что, хочешь вернуть девушку по той причине, что их людей больше?

Если их больше, то, значит, они рады, что их невесткой стала такая девушка, как наша Бибитай. Наверняка они спорили меж собой: «Я поеду!.. Я поеду!...» Это же честь для нас. Что из того, ну отдадим лишние два мужских костюма и два женских платья... Что из этого, а? – снова усмирила она стариков: после того разговора, убедившись, что все будет так, как решит она, Акнур буквально вела на поводу этих двух мужчин.

Получившим отказ, побежденным был Прали. Алдияр же, что бы ни услышал, что бы ни увидел, оставался в тени брата. Для него не имели значения ни сватовство, ни подарки, полученные от сватов или подаренные им самим. Важно было лишь то, что он два раза смог увидеть Бибитай, обнять и поцеловать ее. В суматохе они успели даже посидеть рядышком и немного поговорить о том о сем. Это было безмерным счастьем для Алдияра. Русскоязычный зять Марат, опустив голову, стесняясь, подошел и поздоровался с ним. Это тоже было радостью, успокоившей его.

После этих двух встреч он редко видел дочь. Но писал письма.

Не вспомнить, какой именно был год, – в один из зимних дней он, простудившись, сильно занемог, и тогда дочь и зять приехали навестить его на легковой машине. Они явились вечером, а утром уехали. За ночь Бибитай, ухаживая за отцом, давая ему лекарство, успела сделать столько дел. Приготовила еды на несколько дней, постирала исподнее, обновила постельное белье... Одному только богу известно, сомкнула ли глаза в ту ночь Бибитай.

Следом за этим пришла весть: «У Бибитай родился ребенок». И не только это, к Алдияру специально из Жанатаса приехал молодой парень на легковой машине и передал просьбу: «Пусть даст имя нашему ребенку». «Пускай будет Зияда», – ответил он. Он вспомнил об имени Зияда, потому что когда-то покойная Шекеркуль сказала: «Если после Бибитай родится еще одна девочка, назову ее Зиядой».

В письмах Бибитай позже сообщила: «Ваша внучка Зияда растет. Она похожа на маму. Как капля воды, похожа на маму в молодости с фотографии!» Алдияр подумал тогда про себя: «Это хорошо. Хорошо, что Бибитай вспоминает о матери и считает похожей на нее родившуюся дочь».

Далее в письмах Бибитай писала только о дочке: «Зияда научилась улыбаться... Зияда пробует делать первые шаги... Зияда говорит “аташка”...». Даже если все эти вести присылались, только чтобы утешить его, Алдияр, вчитываясь в каждое письмо, заметно вдохновлялся, ощущал гордость, оказывался в плену каких-то

особенных чувств. Конечно, он радовался. Не оставлял письма в случайных местах, а хранил их во внутреннем или внешнем кармане костюма. Подготавливая место для посадки семян дыни, или во время сенокоса в колхозе, или собирая сено в сани, – во время отдыха между работами перечитывал их украдкой, стараясь не попадаться на глаза другим.

Бибитай приехала погостить надолго, желая утешить, поддержать его, когда Зияда только начала ходить, лепетать, пытаясь говорить. Кажется, это была середина августа: поспели дыни, помидоры, огурцы, тянущие стебли к земле... В тот год он особенно трудился, обрабатывая непаханую землю. Выкопал узкий арык, чтобы поступала вода из Узынарыка. В тяготах нелегкого труда, вытирая пот со лба, отдыхая и утоляя жажду в тени куста колючего тростника или джиды, он все думал: «Я-то посеял... Один бог знает, как оно будет теперь, но было бы здорово, если бы Бибитай приехала с дочерью и мужем, когда поспеет урожай, отведала, сколько хочет, арбузов, дынь, помидоров и огурцов и помогла собрать урожай. Сподобилась бы, как дочь... Боже мой, зачем мне одному столько всего, какой прок от тягот, которые я пережил, ухаживая за овощами, если единственная дочь не получит от этого удовольствие?»

Видать, Всевышний прознал про его мечты... Когда дыни начали желтеть, а помидоры и огурцы – поспевать массой, он принялся раздавать урожай сельчанам и даже случайным людям, дескать, отнесите своим детям, добро пропадает... И как же был рад Алдияр, когда из подъехавшей легковой машины вышла оживленная Бибитай с дочуркой, а следом показался муж, у которого в руках была колыбелька. Зять был у него всего две ночевки и, сославшись на работу, уехал на станцию, чтобы добраться до дома на поезде, а Бибитай осталась с дочкой полакомиться дынями и помочь отцу по хозяйству.

Тот приезд Бибитай остался в памяти Алдияра незабываемым праздником.

...Ощущая себя как-то по-особенному, он носился в то лето, как молодой. Чтобы укрыться от зноя, сделал себе шалаш из веток джиды, во всех сторон закрыл его камышом и ветками тамариска, а также соорудил накомарник, чтобы защититься вечером от комаров. Когда он, положив на телегу кухонную утварь, одеяла и подушки и прихватив с собой корову и собаку, стал со всем этим переезжать на бахчу, жители Узынарыка начали трепать языками: «К чему такая морока... Кого еще он должен кормить?..» Они насмеялись и городили про него, что на ум взбредет, но он не обращал на это никакого внимания. Что уж до чужих, даже Акнур, прихватив с собой шерсть и прялку, заявила в дом Журки и в разговоре с Кульше сказала: «Дыни поспевают много. Нужно все время находиться там. От того, что не ест вовремя, он отошал, как стрекоза». Она так увлеклась, что до самого вечера говорила обо всех муках, которые испытал ее деверь, и едва не опоздала к вечерней дойке коров. Не завершив рассказ, она пообещала опять прийти на следующий день с шерстью и прялкой.

Но как только Бибитай приехала погостить, все разговоры сразу прекратились. Все досужие сплетни о мороке и трате сил вдруг превратились в дружные восхваления. Сама же Акнур заявила поприветствовать Бибитай, прихватив с собой пух и прялку, и сидела за разговорами до самого вечера. Ее слова теперь приобрели другой характер: «Бибитай-жан, если бы ты не приехала, некому было бы кушать и сушить дыни твоего отца. Его труд оказался бы напрасным».

Легко болтать, что дыни поспели, что дочь вовремя приехала, что он в довольстве, катается, как сыр в масле. На самом деле это был тяжелый труд, который начинался еще до рассвета и не заканчивался до захода солнца.

Они с Бибитай вставали, как только начинали щебетать воробьи, и дочь шла доить корову. Вскипятив молоко, она принималась взбалтывать вчерашний айран. Если вдруг просыпалась Зияда, укачивая, кормила ее. Алдияр в это время обходил грядки и срывал поспевшую дыню, а как только заканчивал обход, переносил плоды в плетеную оградку. Привязывал к длинным арканам корову и лошадь. Потом входил в шалаш из камыша, и они с Бибитай завтракали, тихо беседуя и по очереди укачивая на коленях Зияду.

Бибитай вспоминала свое детство: как отец сеял семена дыни в разных местах Узынарыка, и они вместе с мамой приходили и прореживали свежие побеги, выглянувшие из лунок там и сям, поливали и пропалывали их вместе с отцом. И рассказывала она об этом смеясь, с радостью, как самые интересные моменты ее жизни. Алдияр, неторопливо попивая чай, с таким вниманием слушал дочь, что порой не замечал, как остывал напиток в пиале. И не было для него на свете ничего лучше, ничего интереснее, чем эти беседы с Бибитай.

После чая, положив опять в колыбель Зияду, Бибитай заходила вместе с отцом в плетеную сторожку. У обоих в руках были острые ножи, в оградке – груды поспевшей дыни. Каких только сортов там не было: желтые, светло-желтые, оранжевые, зеленоватые, серые, светло-серые с узором в виде паутины, круглые, удлиненные... Желтые, поспевшие, надтреснутые с желтой мякотью... Господи, какой бы сорт дыни ты ни искал – все они были в сторожке Алдияра!

Дыни разрезал и чистил Алдияр. Дочь развешивала на торчащих ветках ограды располосованные и очищенные плоды. Делая свою работу, она не переставала болтать, вспоминая детские фантазии, игры, веселые купания с подругами, как они ходили по разным местам с матерью, заходили то в один, то в другой дом, что ели и пили там... Порой Алдияр с улыбкой думал: «Уж не стала ли с замужеством дочь слишком болтливой?»

Впрочем, о чем бы ни говорила Бибитай, Алдияру было все интересно, все захватывало. Он не был только ее молчаливым слушателем. Как-то дочь рассказала, что дыня, купленная на базаре Жанатаса, оказалась безвкусной, водянистой.

– Ойпырмай, вот бессовестные люди! Лишь бы скорее сбыть с рук и выручить доход! И для этого использовали химикаты! Какая может быть польза от дынь, выращенных на химикатах? Благодарение богу, что сама не заболела. От плодов, которые выросли на воде с химикатами, можно заработать неизлечимую болезнь, – объяснял он тогда, немало пугая Бибитай.

Как только солнце начинало греть сильнее, они прекращали работу. По пути Бибитай набирала в корзину помидоры, огурцы, морковь, лук и принималась готовить обед. Алдияр поил корову и лошадь в речке и менял место их стоянки.

Обедали в шалаше. Когда жара от солнца становилась невыносимой, в шалаше царил приятная прохлада. Теперь разговоры были о кровле. Потому что Бибитай с недовольством сообщала о том, что дома в Жанатасе в такое время становится очень жарко, невозможно ни поесть, ни отдохнуть как следует. Алдияр прерывал ее речь.

– Разве можно назвать домом каменное казенное жилище... Зимой в нем холодно, летом жарко, – начинал он. – Что может быть лучше шалаша летом в южных

районах? Сейчас все, кто проживает на станции в бетонных домах с полами, в три ручья истекают потом, не успевая смахнуть его со лба...

В конце концов он начинал говорить о своем шалаше.

Среди разговоров Бибитай кормила Зияду. Для них двоих это было тоже интересным занятием. Алдияр забывал про свою еду, наблюдая, как внучка ест, пачкая кашей губы, что-то забавно лепечет, машет им своими ручонками.

После трапезы они укладывались спать в прохладе. Но старания Алдияра уснуть были напрасными, если не считать кратковременной дремы. Они с дочерью опять заводили разговоры. И опять в основном говорила Бибитай. Алдияр – слушатель, не знающий усталости. Беседы, начавшиеся шепотом, чтобы не разбудить спящего в колыбели ребенка, затягивались иногда до послеполуденного времени, а то и до начала вечерних дел.

Как только становилось прохладнее, снова принимались резать дыни, а вечером Бибитай опять доила корову, кипятила молоко. У Алдияра было много дел. Он сооружал накомарник, относил под полог одеяла, подушки и ребенка в колыбели. С подветренной стороны устраивал дымовую защиту от комаров для привязанных коровы, лошади и телят. Они с дочерью успевали занести еду под накомарник, и тут же по вечернему холодку появлялись стайки комаров, освободившиеся от дневного плена. Какое невыразимое счастье – ужинать и спокойно беседовать под накомарником, когда туча ненасытного комарья неустанно гудит снаружи!

Может, для кого-то всё это лишние хлопоты, но только не для Алдияра. Его дочь всё делала легко, с улыбкой на лице, а поскольку она была рада, то и для Алдияра это было настоящим блаженством!

Он понял это после того, как дочь приехала погостить... Почувствовал, что это такое – быть счастливым.

...Бибитай пробыла с отцом две недели. Какой же радостной была она все эти дни! Несмотря на все тяготы ежедневной работы, Алдияру ни разу не пришлось видеть ее хмурой. Он даже не узнавал дочь, так она изменилась. Прежде, когда дочь была маленькой, она, появляясь на бахче, была другой – упрямой и очень ленивой.

Потом уже он вновь и вновь думал о своей Бибитай. И понял ясно одно – дочь с нетерпением ждала этого сезона. Ее привела неизбывная тоска по родным краям, детству. Она горела желанием увидеть отца...

Бибитай старалась ходить босиком, не внимая предупреждениям отца, что может засадить шип ченгеля или джиды. Хорошо, если бы по горячей земле босиком гуляла сама, но ведь и маленькая Зияда, только делавшая первые шажочки, тоже ступала босиком по жаркой пыли! Приведя малышку на берег, молодая мать показала ей реку. Глядя на ребенка, лепечущего и визжащего от радости при виде реки, она сказала: «Коке, мы и в следующем году приедем погостить. И Марат приедет. Будем здесь целый месяц. Посадим дыни снова на этом месте».

Алдияр, на седьмом небе от счастья, подумал: «Если вы и в следующем году приедете, доченька, семена дыни высажу на непаханую землю. С осени стану готовить почву, расчищу край тугаев от колючего тростника. И арык сделаю длиннее. Если вы обещаете приехать летом на месяц, что же я должен проводить в спячке осень и весну. Нужно помучиться, пролить пот, чтобы затем смеяться и радоваться...»

...Только задумывался он о Бибитай, как врываются в сознание разные подробности.

...Последние дни тех двух недель были необычайно жаркими. Алдияр, считавший себя выносливым, сидя в тени навеса, обливался потом и рассудительно говорил дочери:

– Пусть будет горячо, в жару спеют дыни.

Изредка споласкивал липкие руки, лицо и шею водой из чайника, вытираясь подолом длинной рубашки. Пот струился снова и снова, немного погодя пришлось вновь охлаждаться водой, наклонив сосуд...

– Я пойду искупаюсь, – сказал он и, шаркая калошами, направился к реке по узкой тропе, проложенной им же среди тугая, в котором росли по большей части джида и тамариск.

Река тогда была полноводной. Мутная вода кипела, зло вращалась, словно отпугивая бурунами человека. Дойдя до привычного удобного места, он быстро скинул калоши и кинулся в воду в нижнем белье. Вода была прохладной, его тело, взбодрившись, обрело усладу в реке, он проплыл до середины потока, возвращался обратно и видел довольно улыбающуюся Бибитай с Зиядой на руках, которая гордилась тем, что ее отец так хорошо плавает.

Забыв о своей стеснительности, дескать, купаться при дочери совестно, он громко позвал ее:

– Будешь купаться? Правильно. Нужно охладиться! – и стоило ему взять на руки Зияду, как Бибитай, босиком пройдя по илистому берегу, кинулась в мутные воды.

Освежив тело прохладой речного потока, дочь поправила локоны запутавшихся волос, и, оставаясь по плечи в воде, стояла, забавлялась от души.

Подумав, что ребенка тоже нужно искупать, Алдияр осторожно окунул Зияду в воду и тут же поднял ее. Малышка, кашляя, выплевывала воду, громко что-то лепетала, испуганно размахивала ручками и ножками. Но не плакала. Алдияр с умилением посмотрел на личико ребенка, покрытое каплями воды, и решил еще разок окунуть внучку, но как только опустил ее в воду, как услышал вопль Бибитай и испугался.

Он обернулся в сторону дочери, мол, не случилось ли чего, но вроде бы все было в порядке. Протягивая руки к Зияде, она во весь дух рвалась из воды к ним. Видимо, испугалась за ребенка... Выхватив девочку из рук Алдияра, Бибитай обняла ее и только тогда начала приходить в себя. Но в порыве гнева, задышавшись, простояла так какое-то время. Заглядывая в личико малышки, ласково вопрошая ребенка, она будто едва сдерживалась от плача. Похоже, она никому больше не доверит Зияду... Алдияр растерялся. Ему было неловко: не подумал, мол, что ребенок может простудиться, и он корил себя. Пытаясь оправдаться перед дочерью, хотел что-то сказать, но стал заикаться: «Я-я п-просто...»

Бибитай понемногу успокоилась. Постояв еще немного, она крепче обняла дочурку, давая знать, как сильно была напугана опрометчивыми действиями отца, затем резко развернулась и устремилась к берегу.

Вернувшись на бахчу, Алдияр сам принялся разрезать и развешивать ломти дыни на столбики ограды. Бибитай, искупав малышку, вытерла ее чистым полотенцем, покормила и до обеда не подходила к сторожке. Хотя Алдияр решил,

что ей просто некогда, но все же заподозрил, что ей стыдно за проявленное недоверие к отцу. Он хотел даже обидеться, мол, я-то думал, издалека приехала... что она моя девочка... но, оказывается, и у нее есть своя дочка, и она несравненно больше любит ее, – но в его душе не было места для обиды. Он чувствовал себя виноватым, и когда Бибитай пригласила его на обед под полог, пришел, отводя робевший взгляд, побаиваясь гнева дочери.

За этим обедом не было лишних разговоров. Пришедшая в себя Бибитай вела себя, как обычно, оживленно, поставила перед отцом тарелку с едой, нарезала хлеб, положила ложку. Из-за того, что стряпала, пекла хлеб в такую жару, ее щеки пылали. Алдияр же понял, что цвет ее щек свидетельствовал и о стыде, который она испытывала за свой поступок. Ему самому же не хватило смелости обнять маленькую Зияду, которая, испачкав лицо в айране, уплетала печенье и, лопоча, протянула к нему ручки.

Алдияр, будто не желая так быстро избавляться от небольшой обиды на Бибитай, взял полотенце, висевшее на ветке, и, вытирая лицо и шею, сказал:

– Бибитай-жан, я пойду вздремну немного.

– И мы придем, как только уберем со стола, – живо сказала Бибитай, пытаясь поднять настроение отцу.

Алдияр промолчал. Закинув на плечо полотенце, надел тюрбетейку, зашел в шалаш, нагнув голову, нащупал одеяло и лег, но долго не мог заснуть, думая о Бибитай. Когда он размышлял над тем, откуда у нее способность так любить своего ребенка, то вспомнил о покойной Шекеркуль. Конечно, он не был обижен на дочь за ее характер, напоминающий материнский, отличающийся и строгостью, и добротой, напротив, стал любить ее еще больше, и умилялся и переживал. Он простил ее и за проступок, совершенный из любви к ребенку, но обидевший отца.

Лежа тогда в темном шалаше, в конце концов он прослезился, всхлипывая, и потом заснул.

...Даже спустя много времени, опять тоскуя по Бибитай, огорчаясь не только за дочь, но и за Зияду в нелегкую пору их неудач, Алдияр не раз вспоминал ту сцену. Он не просто испытывал горечь, когда думал об этом, у него плакала вся душа...

С приходом Бибитай в его шалаш зачастили люди. Остался ли кто-либо в Узынарыке, от мала до велика, не побывавший у них за эти две недели? Алдияр радовался, когда и стар, и млад заглядывали к нему, дескать, хотели поздороваться с Бибитай, хотели повидать Бибитай. Он только тем и занимался, что ломал дыни и арбузы всем, кто захаживал в гости. А когда люди собирались уходить, наполнял им плодами хорджуны и мешки и грузил в транспорт.

Осознал он, что уже прошло две недели, когда зять Марат приехал на «газике» из Жанатаса за женой и ребенком.

Пока Бибитай готовила для тех, кто приехал за ними, еду и собиралась в дорогу, Алдияр заполнил арбузами и дынями все возможные места в машине. Кастрюли были забиты помидорами, огурцами, мешки – картошкой, морковью и луком.

С отъездом Бибитай у Алдияра пропало желание работать. Человек, привыкший к шуму и гаму, теперь остро почувствовал свое одиночество. Два-три дня он ходил потерянный, как шаман, покинутый духами. Необходимые дела

выполнял без настроения. Все выглядело тщетным, бытие потеряло для него всякий смысл.

Чередой приходили жители села, приезжали на лошадях, ослах, мол, хотели поздороваться с Бибитай, жаль, что она уже уехала... думали поговорить с Бибитай и заодно взять связку дынь для детей. Он угощал их сладкими дынями. Беседовал. Не оставлял пустыми принесенные ими с собой мешки.

Проводив одного за другим незваных гостей, которые съедали, а потом еще и забирали с собой дыни и арбузы, он некоторое время лежал в глубине темного шалаша. Не просто лежал – думал о работах, предстоящих осенью, потом весной, загодя готовясь к следующему приезду Бибитай.

Но на следующий год Бибитай не смогла приехать погостить. Потому что родила второго ребенка.

Когда спели дыни, Алдияр с надеждой и волнением – мол, Бибитай придет сегодня или завтра? – высматривал пыльные хвосты на дороге со стороны вокзала, но приехал гонец с хорошими вестями, дескать, пусть даст имя и второму внуку. И он наполнил машину гонца дынями, арбузами, огурцами и морковью. Для Бибитай он зарезал ярочку и отправил калжу⁵, чтобы она скорее поправилась.

«Жаль, что не смогла приехать... – приуныл было Алдияр, но затем подумал: – У них родился мальчик. Разве может быть радость больше, чем эта? Слава богу! Поспевшие дыни не пропадут зря, родственники и знакомые сами приедут с хорджунами и мешками, кто на лошади, кто на осле». Так успокаивал себя Алдияр.

Как он и предполагал, спустились с горных джайлау чабаны, чтобы выпастить скот по берегу реки Сыр, и он преподнес им по обычаю подарок из девяти вещей. Жители Узынарыка, которые поленились весной сажать семена дыни, родственники, живущие возле станции, знакомые приходили сами. Унесли, сколько смогли поднять. В общем, не было потом пересудов, что урожай Алдияра пропал зря.

Бибитай теперь редко приезжала в Узынарык. Зато каждый месяц приходили ее письма, которые начинались со слов: «Коке, ты в порядке? Как твое здоровье?» Иногда письма приходили и два раза в месяц.

Работавшей сначала на должности секретаря одного из руководителей, затем уборщицей в офисе, Бибитай с рождением второго ребенка пришлось оставить и эту работу. Об этом Алдияр узнал из ее письма. «Как же теперь вы будете жить на маленькую зарплату мужа?» – подумал Алдияр, и в год, когда родился Жеткерген, написал ей: «Одежда, которую ты приобрела до замужества, наверное, исхудала. Не отставай от своих сверстников». Ради дочери продал на базаре Туркестана корову. Сочтя это недостаточным, зарезал годовалую телку к зиме, отправил им и на том успокоился.

Дочь и зять теперь почти не появлялись в Узынарыке. Единственной радостью были письма Бибитай, красиво написанные ее тоненькими пальчиками.

Они приехали вместе, всей семьей, когда Зияда училась в пятом, а Жеткерген в четвертом классе. Алдияру не понравилось, что оба внука балаболили только на русском.

– Они что, не знают казахский язык? – спросил он как-то.

⁵ Калжа – название традиции и горячей пищи из свежего мяса, которую готовят для роженицы, чтобы быстрее восстановились силы.

Бибитай, не придав большого значения словам отца, ответила:

– Коке, они же учатся в русской школе.

– Почему же не отдали в казахскую школу? – настойчиво спрашивал Алдияр.

– Казахская школа далеко от нас, – уклончиво отвечала дочь, хотя это и не нравилось отцу.

Может, ей и не удалось бы увильнуть от ответа, но Алдияр не хотел обижать Бибитай, приехавшую домой через долгое время. Он тогда подумал: «Скажи лучше, что все решает лопочущий на чужом языке муж. Живем так, как он указывает...» – но не стал упрекать безвинную дочь.

Ему не понравилось и то, что внуков они называли на русский лад – Зина и Женя.

– Что это еще такое? – рассердился он, не выдержав, но дочь сказала, опустив глаза:

– Они же играют с русскими детьми.

Алдияр поневоле замолчал. Но тяжело вздыхал и вздыхал.

Хотя люди и обращались друг к другу по русским, по казахским именам, но в то хорошее время жили дружно. Большие трудности наступили с обретением независимости страны. Марат остался без работы, а когда стоматологическую клинику приватизировал его начальник, ему пришлось обойти в поисках работы все подобные учреждения, но ему отказали, мол, хватает и своих стоматологов.

Незадолго до распада Советского Союза в Узынарык пришла телефонная связь. Женщины аула, даже если и не было особого повода для разговоров, держа трубку порой правильно, а порой и наоборот, набирали номера друг друга. «Аллоу, наша коза не явилась домой, случайно, не в вашем ли сарае она?...» «Одолжи до завтра горсточку чая, я отправлю сына...» «Дай, пожалуйста, молока для чая...» «Одолжите денег до следующего месяца...»

Телефон стал незаменимым инструментом назойливого выпрашивания. Просить, не видя лица собеседника, оказалось гораздо удобнее, и просители даже вели себя смелее. Телефон был удобен и для скряги, который ничего не хотел давать: поскольку он не видел лица просящего, то и совеститься не приходилось.

По телефону сельчане приглашали друг друга по четвергам и пятницам на чтение Корана, поминальные обеды, на разные празднества по случаю разрезания пут, в честь новорожденного, чтобы решить школьные задачки детей, спросить, что нужно было выучить, – в общем, телефон использовался и стариками, и детьми.

Бибитай теперь не писала писем. Зато она звонила отцу два-три раза в неделю, справлялась о его здоровье. Говорила о своей семье. Как-то посреди разговора по телефону Бибитай сказала:

– Устали мы от нашей Зины. Нет у нее желания учиться.

– Что значит – нет желания учиться? Она ведь школьница, как у нее может пропасть желание учиться? Почему ты не проучишь хорошенько ее скалкой?

– Коке, может, я отправлю ее к вам? Сами и решайте, скалкой или вилами бить ее...

– Что ж, отправь! – выпалил Алдияр, все еще в запале гнева. – Я поговорю с внучкой, которая не хочет учиться, не подчиняется порядкам...

После этого разговора телефон надолго затих. Тогда Алдияр подумал: «Скорее всего, она сказала это в порыве злости. Разве сознательный человек может отправить своего ребенка из города в такую дыру, как Узынарык, забытую богом и начальством? Даже свет и телефонную связь, спохватившись, сюда провели совсем недавно».

Почти забыв про этот разговор, в один из прохладных весенних вечеров Алдияр завершал свои дела по уходу за скотиной, вернувшейся с пастбища. Он вышел со скотного двора, только было кинул вилы на сено, собранное на крыше сарая, как во двор заехал старый «газик», остановился, и из машины вышла внучка Зина с торчащими в разные стороны волосами.

– Оу-уу! – больше удивляясь, чем радуясь, воскликнул Алдияр, устремившись к девочке. Он столько лет ее не видел, хотел обнять и поцеловать ее. – Ты же Зияда, милая...

– Не Зияда-а... А Зина.

– Пускай так, милая.

Девочке то ли не понравились борода и усы старика, то ли то, что он поцеловал ее, но она вытащила из кармана носовой платок и принялась вытирать лицо, обронив с пренебрежением:

– Ну-у, надо же-е.

Алдияр позже понял, что разногласия, с которыми они так и не смогли справиться, начались еще в тот вечер.

Хотя школа на станции теперь стала десятилетней, учащихся из Узынарыка было всего пять... Волы, как только распустили совхоз, были приватизированы, а старая телега осталась догнивать возле дома Токашбая. Вслед за Алдияром извозчиком был Ургенешбай, живущий возле станции. После распада совхоза, поскольку никто не платил, Ургенешбай бросил работу, и Токашбай вместо него был вынужден сам возить ребят на станцию, поскольку двое его детей учились в школе. Да и сам он садился на телегу, только когда было настроение, а когда его не было – отпускал волов пастись в тугай, а старая телега, существовавшая еще со времен первых жителей Узынарыка, оставалась лежать возле дома, как забытый экспонат, ждущий отправки в один из далеких музеев.

Надо сказать, телега была не единственной древней вещью, оставшейся со времен советской власти. В этом ауле можно было найти остовы старых легковых машин. На окраине села виднелся сломанный и брошенный на поле трактор «Беларусь». Валялись там и сям детали комбайна, ржавые сеялки, плуг и борона...

Алдияр не поленился собрать все, что уцелело после свирепой приватизации совхоза, нашел четыре колеса от легковых машин и, используя борта и оси от старой арбы, принялся сооружать легкую телегу для одной лошади. Токашбай помог ему в этом – не потому, что сочувствовал как родственник, а потому, что двое детей его еще учились в школе на станции.

Когда они с Токашбаем, не выпуская из рук топорика, за три дня смастерили повозку и покрасили ее борта оставшейся от ремонта дома краской, жители аула, любящая, говорили: «Телега подошла бы не только детям, но и взрослым».

Конечно, Алдияр в телегу впряг свою лошадь. У него не было другого выхода. Он мог бы отправлять Зину до школы на станции пешком, ведь скоро по приезду она стала демонстрировать свой скверный характер, но ради Бибитай не сделал этого. Ему и лошади не было жалко.

Алдияр снова, как когда-то, взялся за работу извозчика. Постелив на дно сено, иногда – старый войлок, он сначала сажал в телегу Зину, возле дома Токашбая к ним подсаживались двое его детей, остальные трое присоединялись по дороге. Они не трюхали, как раньше, целый час на телеге с волами до школы. Лошадь Алдияра, за которой присматривали и ухаживали всю зиму, легкой рысью довозила их до школы за полчаса, а то и раньше.

Зина сначала привередничала, не желая ехать на телеге. Если сяду, то в легкую машину, если нет – пойду пешком, капризничала она. Когда старик говорил: «Дорогая моя, откуда же у меня леккебой, чтобы довезти тебя?» – она молчала. Спустя два дня, надув губы, с развевающимися от ветра волосами, чуть длиннее, чем у мальчика, Зияда ехала в школу в быстрой повозке в компании сгрудившихся в кучу, как утята, пятерых отпрысков Узынарыка.

Алдияр заметил, что за годы, пока он не был извозчиком, произошло одно изменение – дети, как раньше, уже не пели песни. Все сидели насупленные, словно поругались или готовы вот-вот это сделать. У них в руках не было ломтей хлеба, и они, сидя в телеге, не уплетали его, как когда-то прежняя детвора. У кого были конфеты, те сосали их, у кого не было – смотрели с недовольным видом. Никто не предлагал, мол, угощайся.

Отношения между Алдияром и Зиной, когда они были вместе дома, были неприятными. Зине все время хотелось смотреть по телевизору передачи и слушать песни на русском языке. Алдияр, чтобы посмотреть свои передачи на казахском, мягко говорил ей: «Зияда-жан, иди учить уроки». Зияда, обиженно отвернувшись, уходила. Но, отойдя от телевизора, она не листала книги, не открывала тетради. Сидя перед зеркалом, расчесывала волосы или же молча смотрела в окно. Причем сидела так долго. О чем могла думать девочка, для Алдияра было загадкой.

Еще они часто спорили по поводу еды. Ей не нравилось то, что готовил Алдияр. Поэтому она пыталась готовить сама. У нее не совсем получались блюда. Но, видимо, мать научила ее неплохо готовить оладьи и рисовую кашу на молоке. Алдияр был рад и этому.

Дома девочка говорила только по-русски.

– Зияда-жан, хотя бы дома говори по-казахски, – мягко журил Алдияр.

Девочка, надув губы, отворачивалась. Потом, снова обернувшись, поправляла:

– Я не Зияда-жан... Еще жан-н... Я Зина и все!

После таких препирательств они могли часами не разговаривать друг с другом. Другие дети сообщали Алдияру, что она в школе спорила и с учителями. А что он мог сделать... «Эх, она еще ребенок... С детьми такое бывает...» – приговаривал он, утешая себя.

Накануне майского праздника после одной из таких ссор Зина сбежала домой на поезде. Алдияр волновался, дескать, не попала ли она по поезд или машину, хоть бы доехала до дома живой и здоровой... Успокоился после звонка Бибитай, сообщившей, что дочь приехала домой.

После праздника Бибитай, наняв легковую машину, привезла Зину обратно. Алдияр, долгое время не видевший дочь, наконец-то встретился с ней. Она была худющей. Боже мой, по ее виду трудно было сказать, что она молодая женщина – так сильно постарела! Виски побелели от седины. Лоб и лицо покрылись морщинами. Одежда изрядно пообносилась, платье, что было на ней, сшитое из

дешевой ткани, годилось разве что для того, чтобы носить дома или во дворе. Носочки и каблуки туфель были стертые. Старик был сильно поражен ее жалким внешним видом.

Они долго говорили по душам. Алдияр узнал, что зять до сих пор не устроился на работу. Некоторое время торговал кое-чем на туркестанском базаре, подрался с кем-то, но выкрутился, заплатив огромную сумму денег милиции и юристам, чтобы не засудили.

К тому же закрылся завод, обеспечивавший рабочими местами половину населения Жанатаса, народ разбрелся кто куда в поисках работы.

Алдияр так сильно сочувствовал дочери, что сразу зарезал барана, разделал и положил в машину, на которой она приехала. У него были кое-какие сбережения от пенсии, и когда он сунул их в карман Бибитай, она расчувствовалась до слез.

– Я пустила на ветер все, что вы нажили таким трудом, коке, – расплакалась она.

Алдияр удержался от слез. Глядя в окно, сказал:

– Бибитай-жан, разве я не ради тебя собирал все эти деньги и скот?

После этих слов Бибитай, прижав голову к его груди, разрыдалась. Алдияр и на этот раз держал себя в руках, сохраняя спокойствие.

Он и глазом не моргнул, когда тронулась машина, на которой приехала дочь. Но у него плакала вся душа. Сокрушение и печаль были настолько сильными, что, когда машина была уже далеко, он, повернувшись к дому, чуть было не упал – пошатнулся и еле устоял на ногах. Он дал себе слово держаться. Держался, но что из того?.. Он был настолько слаб сейчас, что нынешнее его состояние было хуже, чем если бы он разрыдался.

С Зиной они кое-как прожили еще один год, по-прежнему ссорясь, а когда уже думали, что она доучится месяц и, окончив школу, поедет домой, девушка, сославшись на то, что вечером пойдет посмотреть кино в местном клубе, снова сбежала, став причиной немалого переполоха в ауле и на железнодорожной станции.

На этот раз она сбежала не в Жанатас, а замуж. Мало того что железнодорожник видел, как она уехала в машине джигита, который приезжал из Алматы торговать, она еще и успела рассказать подруге, что влюбилась в того самого торговца и хочет выйти за него замуж.

Это событие всполошило учителей школы. Классный руководитель, заявив, мол, найду и во что бы то ни стало привезу обратно, целую неделю искала ее по базарам Алматы. Зины нигде не было. Директор школы и классный руководитель месяц мотались между районным центром и станцией, отвечая на вопросы следователя, их хотели засудить, но они, дав крупную взятку, остались на свободе.

Поговаривали, что якобы сначала девушка позвонила матери, мол, вышла замуж, а немного погодя вернулась домой в Жанатас и сообщила матери и друзьям, что поехала в Алматы торговать и на вырученные деньги купила себе одежду... Услышав всё это не от чужих людей, а от Акнур, Алдияр был поражен то ли удивительной способностью снохи узнавать такие подробности, то ли тому, что слухи, как ушлые ворихки, проникают всюду, разлетаются везде.

Впервые услышав такие новости, Алдияр начал непроизвольно дергать плечами, может, от растерянности или затруднения, и все расчесывал и гладил бороду. Хотел сказать Акнур, что это просто слухи, но не нашел подходящих слов.

Все это время от Бибитай не было ни писем, ни телефонного звонка. Алдияр не был удивлен молчанием дочери, но у самой кошки скребли на душе. Спустя месяц или полтора после русского Нового года позвонила Бибитай. Лучше бы вообще не звонила... Вместо того чтобы поздороваться с отцом, она стала плакать в трубку. Старик ясно слышал, как рыдает дочь. Потом она сказала:

– Коке-е-е!

– Бибитай-жан, как ты? – спросил старик, дрожа, готовый вот-вот расплакаться.

– Вы ведь знаете, коке-е...

– Знаю, Бибитай-жан... Но что я, несчастный, могу сделать?

– Вы не могли бы поговорить с директором школы по поводу окончания школы этой упрямой девкой? Она ведь все равно должна получить аттестат... Аттеста-ат!

– Слышу, милая... Хорошо, милая... Завтра поговорю с директором.

В этот момент Бибитай снова стала заливаться слезами. Плач дочери заглушал ее слова. Старик еле сдерживался, но его душа страдала. Он был готов разрыдаться, если дочь скажет что-нибудь еще. Однако в целом разговор с дочерью помог ему взять себя в руки и немного успокоиться.

Вдруг Бибитай произнесла:

– Коке-е, вместо того, чтобы быть вам поддержкой и опорой, я несчастная...

– Что поделаешь... милая... Судьба. Будем просить милости Аллаха... Пусть все образуется... – ответил старик и пару раз обессиленно всхлипнул.

В этот момент Бибитай вроде успокоилась. Ее голос зазвучал более свободно, ровно.

– Я думала, она будет вам помогать... Мол, пусть увидит, узнает, каково это – жить в ауле, получит урок.

– Ты бы могла отправить ко мне того, кто не сбежит замуж, – сказал старик, напоминая дочери о своей давней просьбе: мол, сына вам было жалко отдать мне.

– Вы же говорите о Жене... – выговорила дочь обычным, спокойным голосом.

– Вы думаете, что он лучше... Не буду даже рассказывать о своих проблемах с ним. Если хотите, то и он приедет, но думаю, что он заставит вас поседеть еще больше.

– Мои волосы созданы для того, чтобы сесть. Пусть Аллах побережет мои волосы. А вы не жалейте, милая!

Бибитай снова расплакалась. В трубку было слышно, как она шмыгает носом, всхлипывает, потом раздались короткие гудки. Видимо, Бибитай бросила трубку, не в силах сдерживать слезы.

Старик, думая об этом, долго не клал трубку на место в надежде услышать голос Бибитай. Потому что те нескончаемые гудки казались ему звуками ее рыдания.

Алдияр не собирался проливать слезы. Но все же, обессиленный, еле двигая ногами, едва дошел до дивана, находившегося на расстоянии вытянутой руки.

На следующий день старик оседлал лошадь, поехал на станцию и встретился с директором школы. Тот встретил его очень хорошо, даже радушно, они поговорили около часа о проблеме Зины, других делах.

– Пусть после майских праздников она присоединится к десятому классу. Окончит школу вместе с ними, – сказал директор.

Старик, обрадовавшийся тому, что выполнил просьбу дочери, вернулся в аул и, как только завел коня в сарай и привязал его, торопливо вошел в дом, позвонил Бибитай и передал слова директора школы. Дочь была благодарна отцу за усердие, но не очень обрадована.

Но на этот раз Алдияр был кое-чему рад. Эта радость заключалась в том, что разговор с дочерью не закончился плачем.

6

...Проснувшись, Алдияр понял по тусклому свету в окне, что забрезжил рассвет. Торопливо протирая глаза указательными пальцами обеих рук, он удивлялся тому, что так крепко заснул, так как с вечера думал, что опять не сомкнет глаз до утра.

Торопливо поднялся с места, устремился к калошам у входа. Вышел во двор, закрыв сначала внутреннюю, затем внешнюю дверь. Первое, что бросилось в глаза, – туман рассеялся. Но утренний воздух был прохладным, зимняя пронизывающая стужа еще не ушла. Алдияр направился к хлеву. Как он и разглядел ночью, черной коровы с прошлогодним теленком не было. Белоголовая стояла на месте, жуя сено. Чуть дальше находился годовалый теленок. Еще перед тем как открыть дверь в хлев, Алдияр безнадежно посмотрел по сторонам. Ему хотелось верить, что черная корова с теленком всю ночь паслась где-то и теперь возвращается в хлев... Но в окрестностях ее не было видно. Степь, освободившись от тумана, оставалась серой и унылой. Поникшие стебельки травы, что росли между деревьями и кустарниками, издалека казались пожухлыми.

Алдияр отвязал теленка и вывел его вместе с коровой наружу, теленок сразу же прильнул к матери. Старик выпустил и овец с козами. Но не стал гнать их на пастбище. Выйдя на свободу, козы с торчащими рогами забегали туда и сюда, вынюхивая, нет ли чего съедобного во дворе, пусть хотя бы даже просто лизнуть можно было. Овцы, как обычно, степенно, вереницей стали выходить через калитку из огражденного плетнем двора. Корова с теленком неторопливо последовала за овцами. Лишь козы жадно обнюхивали дрова, ведро возле колодца, изучали, выискивали что-то в оставленной во дворе посуде – тазике, чашке, но ничего не нашли.

Выгнав скотину на улицу, хозяин направился домой, и тут к нему подбежала собака, виляя хвостом. Просила ли она болтушку или косточку, рассказывала ли своими движениями о событиях прошедшей ночи – не поймешь. Испугавшись нахотленного хозяина, не обратившего на нее внимания, она отошла в сторону. Однако пусть и испугалась, да куда ей идти, – собака обошла свою миску, поглядывая на старика, затем забралась в будку и стала оттуда зорко наблюдать за ним.

Старик вынес из прихожей пиалу пшеницы, рассыпал ее, затем открыл дверь курятника. Сначала вышли, вытягивая шеи, петухи, затем выбежали курицы. Кидаясь то туда, то сюда, не обращая ни на что внимания, птицы стали клевать зерно. Петухи захлопали крыльями, не поделив зерно, наскочили друг на друга, меряясь силами, и тут же разошлись. Курицы, кудахча, только и знали, что суетливо подбирать пшеницу. Похоже, для них было вовсе не важно, кто их кормит. Да и старик, стоявший с пустой пиалой в руках и наблюдавший за движением кур, скорее напоминал не хозяина, заинтересованного суетой домашней птицы, а потерянного человека, не знающего, что ему дальше делать.

Алдияр зашел в дом и растопил печь. Из прихожей принес вскипяченное накануне молоко, подогрел и выпил одну пиалу, положив туда черствый хлеб. Неторопливо разжевывал хлеб, размягченный в молоке, при этом его желтоватые усы тряслись, и в каком-то отрешенном недоумении смотрел в окно. Затем, повернувшись, через дырочки в дверце печки стал наблюдать за поблескивающим огнем. На самом деле, ему было безразлично, и что происходит на улице, и как горит огонь в печи.

Молчалив и спокоен Алдияр был лишь на первый взгляд. Его поседевшая голова шла кругом от водоворота нескончаемых мыслей. Можно было сказать, что в голове его бушевала буря, сшибались друг с другом тяжкие думы. Старик обдумывал да прикидывал, куда и к кому он пойдет. И при этом он все еще сохранял слабую надежду, что стервец внук сам придет: «Может, он и сам сейчас заявится... А если придет, то что скажет?»

Съев размякший в молоке хлеб, Алдияр прочитал про себя молитву, провел руками по лицу, убрал со стола. Снял с себя повседневную одежду, надел новую рубашку, костюм, плащ. Сначала на голову надел шляпу, но она ему показалась неуместной. Достал ушанку... Бибитай, бывало, говорила: «Коке, ушанку не надевают с плащом! Люди засмеют». Шляпа все равно казалась неуместной. Он посмотрел в круглое зеркало на стене и подумал: «Почему не надевают?» Да и смотрелся в зеркало он странно – мельком, будто за ним кто-то наблюдает. Надел шляпу и сразу сорвал ее с головы, даже не успев увидеть, идет ли ему, и натянул ушанку.

Открыв скрипучую дверь шифоньера, достал из кармана другого костюма деньги. Он не стал тратить времени, не пересчитал их. Сложенные пятитысячные и двухтысячные купюры положил во внутренний карман костюма.

Выйдя во двор, оседлал кобылу. Вернулся в дом за подстилкой на седло и на выходе повернулся и осмотрел дверь. Поразмышлял: «Закрывать на замок или нет?...» Но закрывать не стал. Может, не мог вспомнить, где замок, и ему было жаль тратить время на его поиски. Старик сильно торопился. Двинув ногой чурбан к двери, придавил покрепче и направился к лошади.

Лошадка, отдохнувшая и сытая, как только хозяин сел на нее, горячась, зарысила по дороге.

Аул еще спал. Из дымоходов редких домов поднимался дым: там, где дети учились в школе на станции, или кто-то встал пораньше на утреннюю молитву, или подоить корову. По остальным жилищам не было заметно признаков жизни. Видимо, он был единственным, кто так рано выгнал скот на пастбище.

Алдияр планировал сразу же направиться в отделение милиции на железнодорожной станции и рассказать о случившемся. Он немного знал о работе милиции. В прошлый раз, когда украли корову Токашбая, он поехал сообщить об этом, и только что проснувшийся сотрудник милиции не впустил его в дом, разговаривал на улице, широко и долго зевая. Затем, разминаясь, помахал одной, другой рукой:

– Людей, у кого украли скот, много. За последнюю неделю было совершено пять краж, – сказал он, перечисляя названия аулов. Потом, снова зевая, добавил: – Сегодня, наверное, поеду на ту сторону реки. В Келинтобе была кража.

Алдияр подумал, что это означало: «Для того чтобы я занялся поисками и поймал преступников, вы должны найти ко мне подход», – но поскольку Токаш-

бай не дал ему с собой ни копейки, промолчал и уехал обратно, лишь услышав неохотный, неоднозначный ответ: «Я к вам приеду после того, как разберусь с преступлениями в других аулах».

Сегодня он взял деньги, которые копил для Бибитай, вспомнив былые слова милиционера, потому что питал надежду по горячим следам найти воров, пока скотина, возможно, цела.

Лошадь ускорила бег. Рысила без понукания. Почувствовав, что хозяин направляется на станцию, выкидывала аршинные шаги. Голые прутья верблюжьей колючки, джиды и тамариска вдоль дороги, казалось, тоже ищут что-то потерянное. Земля на краю дороги была белесой от солончака. Если посмотреть со стороны – будто снегом покрыта. Подойдешь поближе, разглядишь лишь замерзшую соленую почву...

У старика в голове теснилось множество мыслей, среди которых была слабая надежда: а вдруг, пока он едет к милиционеру с деньгами, чтобы тот поймал преступников, Женя пригнал черную корову с теленком домой? Если и вправду так случится, он будет опозорен. В таком случае как минимум на два-три года он станет посмешищем в Узынарыке. Когда в районной газете был опубликован фельетон о том, как Сагынжан целый год получал пенсию умершего отца, все вокруг потешались, а если услышат об этом происшествии, наверное, будут просто кататься по полу со смеху. Если Алдияр вдруг умрет, они будут обсуждать это дело и на похоронах, и на семь дней, и на сорокадневных поминках. Одному богу известно, на какой годовщине этот смех и треп прекратятся!.. Подумав об этом, старик невольно улыбнулся.

Алдияра посетила еще одна мысль: допустим, он найдет общий язык с милиционером, тот поймает преступников, будет допрашивать их несколько дней, потом будет суд. Не окажется ли одним из этих обвиняемых и главным из них его же внук Женя? Не дойдут ли слухи до Бибитай, что за интересные события происходят в Узынарыке? Как же не дойдут, ведь он сам будет присутствовать на суде, если будет жив и здоров! Что же тогда он скажет дочери? Как посмотрит ей в глаза? Как посмеет заговорить с ней?

Когда течение мыслей, развиваясь, коснулось Бибитай, старик сразу почувствовал неуверенность. Теперь он не хотел, чтобы его лошадь так резво бежала. «Нет-нет, этому не бывать! Если такое произойдет, я должен умереть, если не окажусь толстокожим, бессовестным. Если я, бессовестный, не умру, умрет Бибитай... Как бы я не стал причиной смерти моей Бибитай-жан...»

Как только Алдияр подумал об этом, по телу прошел озноб. До того беспомощно, уныло сидевший в седле, он вдруг натянул поводья. Кобыла, не поняв хозяина, стала дергать головой, оскалилась, закусив удила, хотела показать характер, но хозяин еще больше натянул поводья. И повернул назад. Это внезапное решение было непонятным не только скотине, но и ему самому.

Некоторое время он сидел сутулый, мрачный, но внезапно на него накатила радость, будто нашел решение задачи, беспокоившей его с утра. Алдияр обрадовался по двум причинам. Первая – он, как эфенди ⁶, легко образумился и поехал назад, никого не вмешивая в это глупое дело, вторая – после нескольких дней досаждающего тумана, изрядно всем надоевшего, наконец-то выглянуло солнышко.

⁶ Эфенди – фольклорный персонаж в казахской изустной культуре.

Солнце в это время уже было высоко. Оно поднялось со стороны Каратау, перевалило через холмы и горы и, словно приглядывая за бытием каждого двора, стало освещать дома аула, расположенные по оба берега Узынарыка. Затем коснулось лучами густых тугаев, тянувшихся вдоль реки. Светило согрело Алдияра и подняло ему настроение. Его глаза проследили за солнечным светом, льющимся на лес, но взгляд невольно замер, когда он увидел что-то похожее на дым над зарослями вдоль изгиба реки. Сначала он решил, что это низкие легкие облака, но откуда в ясном небе могут быть бродячие облака? Он натянул поводья и стал смотреть, прикрывая рукой глаза от солнца. Наверняка это дым...

В том месте была ложбина, зимой и летом покрытая дремучим камышом. В былые времена там находился рыбачий домик для тех, кто приезжал половить рыбу из Арыса, Туркестана, Жанатаса, Кентау. На берегу лежали разные лодки. Алдияр с Токашбаем как-то ловили там рыбу вместе с рыбаками. Ставили сети. В те времена их прихожая пахла рыбой.

А теперь Алдияру уже и не вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз был в той чаще. Услышав в прошлом году, что дети Байшубара и Ералы ловят там рыбу, он растроганно благословил их: «Да будет улов большим на ваше счастье», – и провел ладонями по лицу.

Убедившись, что над зарослями действительно стоит дым, Алдияр повернул лошадь в ту сторону. Что хорошо в этих краях – тому, кто захотел бы войти в тугаи, не нужно было искать дороги. Повсюду имелись тропки, проложенные дикими зверями и скотом. А те, кто приезжал за дровами или порыбачить, проложили свою дорогу. Сколько было приходящих... С железнодорожной станции... Из соседних аулов... Немало было и тех, кто приезжал на охоту в Узынарык на двухколесных, трехколесных мотоциклах, легковых или грузовых машинах, с ружьями за плечами. Немногие, правда, уезжали отсюда с большой добычей – кроликами, лисами, фазанами. Больше просто преувеличивали удачу, хвастались, для кого-то это было забавой, тратой времени... Поэтому не стоит удивляться, если возле каждого куста увидишь тропу.

Обо всем этом ведал не только Алдияр, но будто бы и кобыла под ним. Хотя хозяин не стал направлять ее, лошадь сама, пройдя по тропинке посреди сплошных чащ колючего тростника, тамариска, дошла до другой тропы. Потом по этой тропинке – до большой дороги. Алдияр, ехавший верхом, только поражался: «Надо же, как это животному удалось так быстро найти дорогу?»

Земля посреди зарослей тоже превратилась в солончак. На ней виднелись белые пятна, как на теле прокаженного. Даже почва, казавшаяся темной, высохла и стала непригодной для посева... В ауле перестали сеять три-четыре года назад. Были еще такие, кто возился с кукурузой и люцерной. А арбузы и дыни уже давно никто не сажал: созревшие плоды были безвкусными. К тому же появились вредители – насекомые, из-за которых плоды рано гнивали. Среди тех, кто попал в такую безвыходную ситуацию, был и сам Алдияр, поэтому вид омертвевшей почвы расстроил его.

По пути Алдияр заметил следы мотоцикла и легковой машины. Следы в некоторых местах были свежими, в других, смешавшись с прежней колеей, казались старыми. Когда до ложбины осталось около трехсот метров, Алдияр спешился, привязал лошадь к молодому тополи и дальше пошел пешком.

Сколько Алдияр себя помнит, этот лес много раз поджигали, вырубая потом на дрова. За двадцать-тридцать лет лес поднимался заново, и его опять поджигали. На месте старых деревьев вырастал тонкий подлесок, но как только эти отростки становились толще, распускали листья, превращаясь в лес, их снова поджигали...

С тех пор как они с Токашбаем, присоединившись к рыбакам, ловили здесь рыбу, он, наверное, впервые пришел сюда. Осмотревшись, Алдияр заметил: не которые места леса были непроходимо густыми, остальные – сожжены, деревья срублены, молодая поросль росла так густо, что невозможно было пройти. Деревья были разными: и черный тальник, и тополя, но в основном росла кривая, раскидистая джида.

До реки осталось примерно сто метров, когда показался приземистый рыбачий домик. По сравнению с прежними годами он обветшал и будто стал ниже. Но худая дверь из досок и маленькое окошко, в которое могла протиснуться разве что голова человека, – все было на месте. Как-то весной они с Токашбаем утеплили дверь, обив ее кошмой – теперь от кошмы не осталось и следа.

Рядом с домом не было ничего подозрительного. Трудно было сказать, есть ли кто-нибудь в халупке.

Алдияр остановился. Спрятался за густыми ветками старой джиды.

Обсматривая домик со всех сторон, он задержал взгляд на том месте, где скопился выброшенный мусор. Можно было подумать, что это обычный сор, но он не был похож на прошлогодний или выкинутый два-три месяца назад. Выброшенные кости крупного рогатого скота не казались серыми от дождя, не успели затянуться землей. «Значит, в домике кто-то был... Возможно, они даже здесь зимовали».

Когда Алдияр наклонился, чтобы плеткой перевернуть и рассмотреть кости, то заметил перья пестрой курицы. Сначала он подумал, что это перья фазана. Всмотревшись, понял, что куриные... Была причина тому, что старик так внимательно осматривал перья. До него доходил недавно слух, что у Шырай украли сразу двенадцать кур. Эти курицы, привезенные когда-то Байшубаром из Шымкента, все были пестрыми. Таких пестрых кур Алдияр не встречал не только в Узынарыке, но и в соседних аулах. Впервые увидев тех пеструшек, старики выдвинули догадку, что куры этого рода из другой страны, и, может быть, являются потомками фазанов. Пестрые перья были чистыми, не запыленными землей. Напрашивался вывод, что их выдергивали из тушек три-четыре дня назад.

Когда Алдияр протянул руку к ветке, на которой висело одно перо, вдруг на него накатила испуг. Он и на ветхий домик посмотрел настороженно. Причиной страха было то, что позавчера, когда он лежал на диване и смотрел телевизор, Женя торопливо вбежал и вручил ему тушку курицы.

– Что это? – спросил Алдияр, со страхом взглянув на тушку вместо того, чтобы радоваться.

– Мясо... Курятина. Деликатес! – ответил Женя.

– Откуда взял?

– Как откуда? На туркестанском базаре. Еще заплатил деньги, чтобы сварили для вас.

Женя вызывающе уставился на старика: «Допрос на этом закончен?» Потом отвернулся.

Старик, поднявшись с места, оторвал ножку курицы, остальное отдал внуку. И не мог избавиться от ощущения, что поступил так, потому что оробел от вида Жени. С безразличием прикоснулся кончиками пальцев к мясу, изображая, что пробует мясо, положил кусочек в рот.

Теперь же, когда снова вспомнилась та сцена, вместе с испугом пришло и осознание. «Мясо, которое я пробовал, было курицей невестки Шырай! Лучше бы я съел камень, песок...» В плену этих мыслей Алдияр с опаской оглянулся по сторонам, заметил и на других ветках перья. Значит, ощипанных кур они привезли сюда. Согнувшись, походил туда-сюда и среди мусора увидел торчащие куриные лапки.

Не только это заставило вспомнить о курах Шырай. Где-то около двух месяцев назад Сагынжан пригласил стариков и старух аула, чтобы прочитать молитву в честь отца. После завершения обряда, посвященного Журке, состоялся разговор о джигитах аула, пропавших без вести три года назад, – Ералы, Байшубаре и Шертае. Акнур, неизвестно где слышавшая это, начала рассказывать одну историю.

– Бай по имени Бораншы, количество овец которого достигло почти тысячи голов, зимовал в этом году в Кызылкуме. Рассказал об этом недавно приезжавший за продуктами, сахаром и чаем его чабан... Дескать, видел посреди густого саксаула колодец. Возле колодца огромное скопище змей. Сначала он даже обрадовался, скопище змей, показалось ему, на счастье. Потом чабан увидел в том месте шалаш, а в нем нашел обувь, брюки. В кармане брюк было письмо, написанное Шертаем для племянников Аликула и Бейсена. Он был хорошо знаком с Шертаем, Байшубаром и Ералы. Даже вроде бы учился в одном классе вместе с Байшубаром и Ералы... Приехав в родные края, заехал в Узынарык, рассказал обо всем Шырай и Сиякуль. Когда Шырай прочитала письмо Шертая, в ту же ночь у нее перекошилось лицо. Сиякуль же, узнав обувь Ералы, рассердилась: «Фабрика, на которой были пошиты туфли Ералы, в тот год, наверное, не одни такие выпустила. Наверное, были сшиты, по крайней мере, тысячу или пять тысяч пар и отправлены по всему Казахстану. С чего взяли, что найденная пара туфель должна принадлежать Ералы? У Ералы нет родственников в Кызылкуме, зачем ему туда ездить? Я не верю этим бредням. Даже во времена войны люди, считавшиеся пропавшими без вести, возвращались домой целыми и невредимыми. Бог даст, приедет в один прекрасный день. Если он женился на другой и стыдится приехать, я прощаю ему... А это унеси с собой!» – сказав это, она бросила старые туфли чабану бая, владеющего тысячей овец.

Так завершила свой рассказ Акнур.

Старики и старухи Узынарыка подумали: «Нужно ли вмешиваться в такой разговор или нет? И если да, то что нужно говорить, или, может, подождать?» Переглянувшись друг с другом уголками глаз, они продолжали сидеть молча. Тогда Акнур, будто желая сказать: «Если вы боитесь, то я нет», – заносчиво произнесла:

– Письмо Шертая, написанное Аликулу и Бейсену, парень, который учился вместе с Шертаем, отвез на экспертизу в Алматы. Эксперты подтвердили, что письмо принадлежит Шертаю, поставили печать и подпись и пояснили: «В письме говорится, что они отправятся в путь... на лошадях. Они же не поехали в Афганистан на лошадях... К тому же письмо Шертая нашли в кармане брюк в Кызылкуме», – заключили они.

Старики и старухи, хотя и не видели НКВД, но не раз слышали о нем, поэтому не то что сказать что-то – у них просто волосы вздыбились от страха. Причем они испугались не НКВД, которого давно уже не было, а слов Акнур. Потому что даже Прали, деливший одну постель с Акнур, сказал:

– Эй, хозяйка, ты немало рассказала о пропавших джигитах. Хватит на этом... Теперь о нашем брате Журке... Ведь сын зарезал барана, хочет посвятить ему молитву... Нехорошо, если мы останемся в стороне.

Так он перевел тему разговора на другое, остальные дружно загомонили, одобряя его ловкий маневр.

– Эх, да пропадет все пропадом, давайте так и сделаем! – обрадовалась Кульше.

Ей было чему радоваться. Прошлым летом приходили двое джигитов из КНБ, – в ауле никто не понял значения этих слов, поэтому им сказали, что это нынешний НКВД, – и стали расспрашивать: «Когда и где в последний раз вы видели этих джигитов? Не знаете, может, кто слышал об их местонахождении?» Сидевшие теперь здесь старики и старухи испуганно отвечали тогда: «Они и в самом деле из этого аула... Одному Аллаху известно, где они сейчас... Мы не ведаем, знает об этом только Аллах». Потому что они не знали, как им быть, чего ждать: станут ли хвалить их или обвинять в том, что воспитали таких парней, пришедшие джигиты, называвшие себя «нынешним НКВД». Тогда и прошел слух о том, что они в поисках работы уехали в Афганистан. По другой версии народ счел, что они сидят в тюрьме и не могут освободиться, потому что нет денег. Начальник тюрьмы якобы ждет из Узынарыка вестей: «Может быть, хотя бы родственники приедут в поисках?» – и это было лишь небольшим уточнением тех слухов.

Конечно, люди знали, что Акнур сама была автором второго слуха. Были и такие, кто предположил, что и первый слух сочинила сама Акнур, но никто не был уверен в том, что Акнур может знать о существовании такой страны, как Афганистан.

...Алдияр стоял в раздумьях за деревом, держа в руках перышко, когда-то принадлежавшее курице невестки Шырай, как вдруг из дома донеслись шумные звуки. Он бросил перо и не успел обернуться, как дверь халупы распахнулась, и оттуда вышел полный смуглый джигит в нахлобученной на голову старой потрепанной шляпе. Лицо его показалось Алдияру знакомым. «Господи, где я мог его видеть?» – стал думать он, и вдруг его осенило. Это был Баракбай, работавший когда-то трактористом. Он жил рядом со станцией, но во времена советской власти работал на здешних полях. Зимой отвозил сено для отар. В Узынарыке бывал не раз. Как-то весной, во время посева, он даже жил у Алдияра. В народе его прозвали Жалтыр Кара⁷. Видимо, не зря: в этих краях Алдияр не видел настолько смуглого человека, как Баракбай. К тому же с юных лет он был тучным.

В последние годы ходили слухи о том, что Жалтыр Кара является вожаком воров этих краев, но Алдияр не очень-то им доверял. Поверил, когда стали говорить, что Жалтыр Кара был пойман во время кражи и отсидел год в тюрьме. Он был шокирован, услышав, что вор орудует только на базарах в крупных городах, у него есть своя шайка, а с незнакомцами он общается через своих людей. Алдияр был настолько же поражен этим, насколько напуган.

⁷ Жалтыр Кара – темнокожий.

И вот тот самый Жалтыр Кара теперь стоит недалеко от Алдияра. С последней их встречи он раздобыл, но двигался все так же энергично. Лицо постарело, но было холодным.

Выйдя из дома, Жалтыр Кара выудил из кармана сигарету. Прикусив зубами, прикурил, пуская клубы дыма, три раза кинул и поймал коробку со спичками. Озирался по сторонам, чему-то радуясь. Он посмотрел и в сторону, где стоял Алдияр, которого скрывали густые ветки джиды, и, не задерживая взгляда, повернул голову.

Как только Жалтыр Кара вышел из домика, оттуда послышалось пение. Не сказать, чтобы стоящая песня, но что-то похожее. По голосам старик понял, что люди, находящиеся внутри халупки, пьяны. Несмотря на нестройное звучание вразброд, Алдияр узнал голос одного из певцов. Это был голос его внука Жени.

Жалтыр Кара расстегнул пуговицу фуфайки. Потом снова кинул вверх два раза коробку со спичками, поймал, выстреливая клубы дыма, и стал обходить домик.

Алдияр был в смятении. Испуганно пятясь, он двинулся обратно к лошади, в то время как Жалтыр Кара обходил дом. Старик шел осторожно, точными шагами, чтобы не задеть валяющиеся всюду ветки. Его сердце билось так сильно, что казалось, у него в груди скачет лошадь.

Собака встретила Алдияра на краю аула, стала вилять хвостом, несколько раз подала голос. Ее лай давал знать, что она голодна и обижена на хозяина. Старик понял и признал свою вину. Но ничего не сказал. В такие моменты у него была привычка гладить собаку по голове, ласкать и разговаривать с ней, но не в этот раз.

Доехал до скотного двора, спешился, привязал лошадь к оградке, и когда, откатив чурбан, подпиравший дверь, вошел в дом, его встретила, жалобно мяукая, кошка, выскочив из-за печи.

Хотя на улице потеплело, словно за один день наступила весна, в доме было прохладно. Алдияр переделался и растопил печь. Стал готовить болтушку для собаки, для себя чай, достал из кастрюли остатки костей, смёл крошки хлеба со стола и покормил кошку.

Когда болтушка была готова, он отнес миску собаке. Заварив чай, не стал стелить скатерть, как обычно, на почетном месте, а устроился возле печки. Он сделал так не потому, что было лень или сильно проголодался. Он не испытывал никакого желания кушать, возлежав на одеяле. К тому же из еды не было ничего стоящего, лишь высохший хлеб да несколько кусочков сахара. Из съестного на столе сейчас было только это...

Прикусив сахар, старик глотнул чай, несмотря на то что напиток был очень горячим. Налил вторую пиалу, отломил кусочек хлеба, размочил его в чае и принялся есть. Он будто спешил, толком не различая, горячий или холодный чай, не чувствуя вкуса еды. Он и сам не знал, куда и зачем торопится.

Напившись чаю, вяло встал с места и положил себе в рот несколько ложек кашицы, которую приготовил для собаки.

С замужеством Бибитай он не только привык к такой еде, у него даже поднималось от нее настроение: растянувшись на диване после трапезы, удовлетворенный, он благодарил Всевышнего за существование. Он был искренне доволен. Иногда чувствовал себя счастливым...

Алдияр произнес благословение и провел по лицу ладонью. Не стал ничего убирать, а забрался на диван и прилег на бок. Мысли и переживания старика сегодня были иными. Пожалуй, в его голове были не мысли и переживания, а лишь страх. Страх, которого раньше он не знал, о котором и не думал.

После чая и каши он обычно дремал. На этот раз сон не шел. Не хотелось даже смотреть телевизор. Не было настроения включать радио, висевшее чуть выше дивана. Он лежал, плененный тяжелыми, гнетущими мыслями.

Вечером старик поднялся с места, увидев в окно, что скотина вернулась с пастбища. Корову с теленком загнал в хлев, овец и коз – в сарай. Закрыв двери, вернулся в дом и снова улегся на диван.

Опять он был безрадостен. Даже когда в доме стало темно, ему не хотелось подниматься с места, чтобы включить свет. Это не было проявлением лени. Это было влияние усталых мыслей, дескать, сегодня этому дому достаточно и мрака...

Услышав звук мотоцикла, остановившегося прямо у дома, и зная, что приехали Женя и Пижо, он не сдвинулся с места. Но насторожился. Даже стал страшиться чего-то.

Когда с шумом открылась внешняя дверь, а потом с таким же шумом внутренняя, он был уже уверен, что пришел Женя.

Женя сначала включил свет. Потом, поглядев на Алдияра, лежащего в скрытом положении, произнес, кривляясь:

– Ну-у, деда-аа.

Алдияр по виду внука понял, что тот пьян. Бросив на стол что-то свернутое в газету:

– Ну-у, я, это, мяса принес тебе, – сказал Женя, снова ухмыляясь.

– Что за мясо? – громко спросил старик, подняв голову и удивляясь тому, что смог спросить внука об этом. Потому что его томило тревожное ощущение, что он не осмелится не только заговорить с ним, но даже глянуть ему в лицо. Может, решимость эта была связана с тем, что он точно знал: мясо, принесенное Женей, принадлежало его корове или теленку...

Стариком по-прежнему владел страх, но он все же поднялся с места, сел, свесив ноги.

– Ну, это же мясо, – сказал Женя, уже не гримасничая.

Расхрабрившись, старик поправил старую облезлую синюю тубетейку на голове и сказал с усмешкой:

– Если и на этот раз вареное мясо принес, то, наверное, заплатил за это...

Женя вмиг озлобился, заледенев лицом.

– Вот что-о... я тебе скажу, деда-а. Если воровать не у кого и нечего... воруй у себя... Такой век... Такое время... Хочешь, ешь... Не хочешь, отдай собаке... Тоже благородное дело... Хорошо-оо!

Алдияру не нравилось, что длинный рост и узкое некрасивое лицо внука повторяют облик его отца. «Надо же, какой уродился», – с неприязнью думал он, но когда замечал большие темные глаза, густые брови, похожие на брови Бибитай, или когда внук смеялся или улыбался ему в ответ, он доброжелательно думал: «Спасибо, что хоть какими-то чертами и характером пошел в мою Бибитай-жан». Даже радовался этому.

Сейчас внук остервенелым выражением лица никак не напоминал ни дочь, ни зятя. На мгновение Алдияр подумал, что ликом злого существа, никогда не

общавшегося с людьми, Женя напоминает озверевшего уголовника. Видимо, старик был так ошеломлен видом внука, что почувствовал, как по спине пробежал озноб, а сердце сдавило страхом.

Женя немного постоял, вперившись ледяным взглядом в старика, потом повернулся. И на этот раз Алдияр ничего не смог выговорить. Хотел сказать, но в панике не нашел слов.

Внук закрыл сначала внутреннюю, затем внешнюю дверь. Его гнев и обиды ощущались по тому, с какой силой он захлопнул дверь. Старик все так же молча сидел на диване, свесив ноги.

Снаружи внук с Пижо о чем-то громко поговорили, послышался звук заведенного мотоцикла, они объехали дом. И снаружи, и внутри дома воцарилась тишина.

Обессиленный старик, чувствуя себя выжатым, как лимон, не понимал, зачем он так сидит. Сейчас он вряд ли стал бы искать кого-либо. «Видит бог, ни с кем не смогу видеться, ни с кем не заговорю... Как я могу смотреть людям в глаза? Люди разочаруются во мне... Будут отворачиваться при виде меня», – тоскливо подумал он. Он сидел в полном одиночестве. Кошка, лапаясь, подошла к правой ноге, но он оттолкнул ее. Перевернувшись в кувырке, кошка отошла и села возле печи, уставившись на хозяина.

Обычно в это время приходила сноха Акнур с половиной лепешки или пиалой кофе из кукурузы с айраном, спрашивая: «Бозым-бала, ты не голоден?» Он ел кофе, а она рассказывала обо всех событиях во всех семнадцати домах Узынарыка: «В таком-то доме сидят голодные, а в том – сытые», – и лишь потом уходила к себе домой. Сегодня не пришла и она.

Алдияру, впрочем, сейчас не хотелось, чтобы эта старуха заявила. Потому что его одолевало чувство отрешенности... и отчаяния. Он сидел, ощущая себя абсолютно никому не нужным. Существом, потерявшим честь и достоинство, лишенным всякой надежды. Лицо его побледнело, цветом стало, как белая ткань, он закрыл и снова открыл глаза... Алдияру хотелось умереть... Не откладывая на завтра, сегодня ночью...

Такое случалось с Алдияром и раньше. В первый раз, когда его Бибитай сбегала замуж... В последний – зимой, когда Бибитай рыдала в трубку телефона... В первый раз он взял себя в руки, поразмыслив: «Разве я один, у кого дочь сбегала замуж?» – и остановился. Даже корил себя за то, что хотел умереть: «Что с тобой, дьявол что ли одолел?» На другой же ему было гораздо тяжелее, он не мог успокоиться, его одолевали гнетущие мысли. Переворачиваясь с бока на бок, сокрушенно вздыхая, всю ночь лежал он, не видя, как можно избавиться от этих мыслей. Даже на рассвете в обрывках снов он видел, как все блуждает и блуждает, не находя дороги, и просыпался от испуга. Очнувшись, он снова и снова думал о смерти...

Теперь решение о смерти у старика было твердым. «Если не умру... может умереть Бибитай от горя и печали, доставленными сыном. Если умрет Бибитай, я не смогу дальше жить. Своим уходом я освобожусь от горя, которое ждет меня. Спасу от смерти Бибитай. А дальше произойдет то, что суждено... Я могу сделать лишь это...» Приняв окончательное решение, старик обдумывал разные способы ухода. Сначала поразмыслил, как умереть безболезненно, но засомневался, что в Узынарыке, да и в соседних аулах, найдется такой яд. Даже если он продаст

единственную корову и на вырученные деньги на поезде поедет в Ташкент или в Туркестан, вряд ли найдет или купит такое средство... Теперь же он думал повеситься. Нашел подходящую веревку в прихожей и хотел было взяться за дело. «Я не умру дома, как никчемные старики, умру вне стен дома. Хорошая собака не показывает своей смерти, говорили в народе... Чем я хуже собаки?» – решил он и выбрал то место возле реки, где собирал дыни, когда приезжала Бибитай погостить на две недели. «В том месте удобно покончить с собой», – с этой мыслью на ум пришла старая джида с изогнутыми толстыми ответвлениями.

Когда Алдияр собрался уже покинуть дом, в душе его опять родились сомнения. «Я-то умру, но как же Бибитай? Она же потеряет всё... Жизнь ее пройдет в слезах... Лучше я продам оставшуюся корову с телятком на туркестанском базаре и помогу дочери. И почему бы не отдать сбережения, накопленные с пенсии?.. Кого я запугиваю своей смертью – себя или других?» – думал он так и этак, лежа на своем диване и утешая себя.

В таком состоянии Алдияр пребывал недолго – и опять вернулся к прежнему решению. Теперь он ругал себя за трусость. Он был настолько решителен, что укрепился в мысли умереть именно сегодня, встал с места и, взяв в руки тонкую веревку, стал ее дергать, проверяя, может, она сгнила и не способна выдержать вес человека. Веревка не порвалась.

Он хотел уже идти к выбранному месту на берегу реки, пока не сбил с пути шайтан, как вдруг новая мысль остановила его на пороге. Надо было поручить кому-то скотину и накопленные деньги. «Кому я могу довериться?» – раздумывал он, и при этом не вспомнил ни Прали с Акнур, ни даже Токашбая – своих родичей, он подумал о Шырай. «О, боже, я же должен невестке еще двенадцать кур! Даже если Шырай неизвестно о краже внука, известно мне... Аллах все знает! Я ведь собрался хоть завтра предстать на коленях перед Аллахом, чтобы дать ответ... Как же я, грешный, не учел самого главного», – сказал он себе и вернулся.

Открыв скрипучую дверь шифоньера, он начал обыскивать карманы костюмов, пальто – собралось сто тридцать семь тысяч. Было еще около пятнадцати тысяч монетами в узелке из белой ткани. Монеты он собрал после того, как услышал судорожные рыдания Бибитай в трубку, – он же тогда, зимой, потеряв всякую надежду, начал готовиться, как сегодня, к своей смерти. «Когда я умру и тело мое будут выносить со двора, пусть Бибитай раскидает монеты на моем пути... Пусть люди потом не судачат, что дочь не смогла, как следует, проводить в последний путь отца». Собрав все монеты, которых тогда было всего около пяти тысяч тенге, он завязал их в узелок и собрался поручить Акнур. Потом он докладывал монеты, так сумма постепенно выросла до пятнадцати тысяч тенге.

Старик постоял в раздумьях с белым свертком в руках и положил его на видное место в шифоньере. Если, даст бог, он отправится в мир иной, то даже если никто другой не найдет монеты, непременно найдет Акнур, и он не сомневался в этом. И в этот момент в голову его пришла еще одна мысль: «Сейчас, интересно, есть такая традиция – раскидывать монеты вслед за выносом покойника?» – и он потерянно уставился в окно.

В доме Шырай еще никто не ложился. Когда вошел старик, невестка возле печи штопала штаны, а ее сыновья учили уроки за столом. Для них было неожиданным, что Алдияр пришел так поздно. Дети больше испугались, чем обрадовались,

побросали ручки и тетради, глядя в сторону двери. Шырай, прибрав штопку и высоко подняв в одной руке иголку с ниткой, второй рукой прикрыла рот кончиком платка и сказала детям:

– Поздоровайтесь с дедушкой, – а сама, встав с места и приложив ладони к животу, поклонилась старику.

– Молодцы! – сказал Алдияр Аликулу и Бейсену, вставшим из-за стола и протянувшим ему руки. – Живи долго... милая невестка, – произнес он, выражая признательность Шырай. Было заметно, что старик очень взволнован. – Я пришел в столь поздний час... милая... – вымолвил он, и его взгляд упал на фотографии Байшубара и Шертая, висевшие рядом на почетном месте. «Откуда они взялись? В прошлом году, когда я приходил, фотографий ведь не было?» – подумал он удивленно, с особенным вниманием взирая на снимки.

Впервые он пережил такое удивление, когда увидел возле конторы в центре совхоза портреты членов политбюро партии. Он тогда только окончил первый класс. Подходя к каждому портрету, он вставал на цыпочки и рассматривал лица внимательно, с открытым ртом. Его поразило то, что на свете есть такие особенные люди. «Этих лиц не касались лучи солнца... А как красиво уложены волосы! Бывают же на свете такие люди... В каких же городах они живут?» – спрашивал он себя, с любопытством рассматривая фотографии. «Может, они, перед тем как фотографироваться, душились и мазали лицо вазелином? – думал он. – Неужели в магазине нашлись одинаковые черные костюмы и белые рубашки для всех?.. Получается, они все время находятся в тени... Значит, они ни разу не были на посевных полях? Они, наверное, даже не сеют ничего!..»

И вот после многих лет он опять переживал такое же удивление, увидев фотографии Байшубара и Шертая... Пытался даже привстать на носочки. Алдияр испытывал удивление и в то же время сильную радость от того, что увидел лица обоих потерявшихся парней, которые со временем уже стали забываться. Наверное, от радости, захлестнувшей горячей волной сердце, он прошептал: «Милые вы мои...» Конечно, и расстроился, слезы навернулись на глаза. Забыв о невестке и детях, сделал шаг, приближаясь к фотографиям, почувствовал спазм в горле и едва не разрыдался, но сдержал себя. На Байшубаре был черный костюм, белая рубашка, блестящие волосы были гладко расчесаны, видимо, перед тем, как сфотографироваться, пригладил волосы вазелином. На груди виднелся галстук. «Боже, где он его нашел и повязал на шею?» – подумал старик, почему-то придавая особое значение галстуку Байшубара.

На Шертае не было ни костюма, ни галстука. Неизвестно, сколько лет было его помятой рубашке, воротник торчал неглаженными углами, волосы были всклокочены, словно он только очнулся ото сна. Но он, как всегда, весело улыбался, глаза были добрыми. «Господи, он что, фотографировался, когда поливал посевы или рыбачил на реке...» – подумал Алдияр, тронутый до слез, будто Шертай стоял рядом... Ему чудилось, что сейчас, как когда-то, Шертай вразвалку поспешит к нему со словами «Коке-е», чтобы поздороваться, выразить всю теплоту души. «Милый!» – подумал старик про себя, всматриваясь в приветливое лицо юноши.

Слезы подступили к глазам, и он опять сдержался. Алдияру не часто давалась такая твердость, но его душа разрывалась на части.

Через какое-то время он, вспомнив о жителях дома, повернулся и, всхлипывая, сказал:

– Как хорошо, что вы сделали фотографии Байшубара и Шертая, повесили их на видном месте.

– Проходите, ата, – сказала Шырай, расстилая на почетном месте одеяло.

Глядя на то, как невестка все время прикрывает рот кончиком платка, Алдияр подумал: «Видимо, и в самом деле у нее перекошен рот».

Старик не стал усаживаться.

– Светик мой, мои дела можно решить и на пороге... Я слышал, что ваших куриц украли. У меня в курятнике есть тринадцать кур... Возьми их... Милая моя, возьми... С завтрашнего дня эти куры твои.

Когда Алдияр сказал это, не только Шырай, но и дети, снова оставив книжки и тетрадки, с изумлением посмотрели на старика. И это чувство было не радостью от того, что в один момент у них появилось сразу тринадцать кур, – на их лицах были написаны удивление и страх, мол, в своем ли уме старик? Шырай ничего не ответила, ни на каплю не поверив услышанному.

– Корова с белой отметиной на лбу недавно отелилась, – продолжил старик. – Пока не придет Бибитай, можешь доить ее, милая. Невестке Сиякуль тоже дай молока. Милая, вот все, что в моих силах. Остальное просите у Аллаха... Молитесь Аллаху... Утром придешь... За курицами... коровой... Будешь хозяйничать.

Сказав это, старик направился к двери и пальцами стал искать ручку, не забыв еще раз обернуться и посмотреть на фото Байшубара и Шертая.

Шырай, безмолвно застывшая от удивления, вдруг пришла в себя:

– Ата, отведайте хлеба, – растерянно сказала она, вытаскивая из старого шкафа свернутую скатерть. Делая это, она не забывала прикрывать рот платком.

– Отведаю, милая. Хлеб – всему голова, – сказал он, присел, согнув колено, отломил кусочек хлеба и положил в рот. Встав с места, произнес благословение и провел ладонями по лицу.

Когда старик завершил обряд, и Шырай, и дети, сидевшие за круглым столом, повторили его движение.

– Кстати, – Алдияр сунул руку во внутренний карман, – надо же, почти забыл... – и протянул деньги, завернутые в газету. – Милая, это отдашь Бибитай.

Шырай из уважения не стала спрашивать: «Что это, ата?» Старик тоже не пояснил, что эти деньги он копил для дочери.

– Невестка, милая, ты же все поняла? – спросил Алдияр, выходя из дома.

Шырай кивнула головой.

– Поняла, ата, поняла... Пускай Аллах вам воздаст за все добрые дела.

Шырай тем самым дала понять, что выполнит все поручения старика, пойдет утром и начнет хозяйничать над курами и коровой.

Выйдя через внутреннюю дверь, Алдияр стал переставлять ноги аккуратнее, чтобы ничего не задеть, не опрокинуть в тускло освещенной прихожей дома, где бывал редко. Во дворе старик остановился, чтобы перевести дыхание, будто он только что осуществил давно задуманное или наконец-то раздал все долги. А может, потому, что вышел, ничего не свалив на пол темной комнаты, – это было известно ему одному. Как бы то ни было, он почувствовал на душе легкость.

Следующий дом, который он хотел посетить, был дом Токашбая. Хорошо, что Токашбай был во дворе. Он нажил кое-что после того, как в том году сгорел его скотный двор со скотиной. Родственники по правилу «поможем, чем сможем» привели по одной корове или козе, и переполошенный Токашбай принялся строить

скотный двор, таская из леса древесину, стволы тамариска. Алдияр тоже привел на веревке двухгодовалую телку, дескать, все же мы из одного рода, помогу и я. Боже мой, да разве человек не растрогается, видя добрую помощь ему... С тех пор Токашбай, хотя и не прибегал с готовностью, но всегда выказывал уважение к нему, как старшему.

Вот и сейчас, торопливо подойдя, поздоровался.

– Алдеке, что же вы в такой поздний час ходите?

– Ты думаешь, мне этого хочется? – сказал Алдияр отрешенно.

– Какими судьбами?

– У меня тоже украли черную корову с прошлогодним теленком.

– Неужели... Вот оно что!

Протянув «вот оно что», Токашбай хотел то ли намекнуть, что заметил что-то, то ли сказать нечто вроде: «А я думал, с чего это перестали воровать скот?» Но смысл его фразы так и остался загадкой.

– Кур я отдал Шырай. Корову с белой отметиной на лбу пока тоже она будет доить. У меня есть лошадь... овцы, козы и собака... За ними до поры до времени присмотришь ты. Потом поручишь Бибитай.

– А сами куда-то собрались? – спросил Токашбай, не понимая слов старика: «Поручишь Бибитай».

– Собрался, – сказал Алдияр тихим голосом.

– Будете искать коров?

– Буду искать коров... И других буду искать. Буду искать весь скот и другое, пропавшее за последние годы в этом ауле.

Конечно, в темноте Токашбай не мог ясно видеть лицо Алдияра. Несмотря на то что слова старика показались ему немного странными, сказанными с беспокойной душой, он из уважения не стал его переспрашивать, не выдал подозрений. Лишь произнес:

– Зайду утром.

Теперь Алдияр немного замялся. Тому была причина, хотел сказать: «Может, утром ты не найдешь меня дома», но не смог.

На обратном пути домой Алдияр почувствовал себя вдохновленным. Бодрость ощущалась во всем теле, он шел легким шагом. И не поверишь, что некто, кто собрался сегодня или завтра покончить с собой, показывал бы, что весьма рад этому. Идя торопливо, он не сомневался в своем решении прямо сейчас пойти на то место, где сеял дыни на берегу реки. Только в голове вертелась мысль о том, что, может, надо позвонить Бибитай и попрощаться. Сначала он хотел во что бы то ни стало попрощаться. Потом передумал. Последнее решение победило. Он не хотел лишних слез, переживаний, а больше опасался, что разговор с Бибитай может помешать осуществить задуманное.

...Была еще одна причина, которая повлияла на решение принять смерть, обычно казавшуюся ему невыносимо страшной. Прежде чем умереть, покойный Журка долгое время был прикован к постели. Господи, кажется, он лежал целый год? Или полтора. Старики аула, собравшись вместе или по отдельности, два раза в неделю, а то и через день навещали его. Алдияр в то время ходил вместе с Прали.

Как-то раз они пошли к нему зимой. То ли больному не понравился холод, который ворвался в дом вместе с ними, то ли он был недоволен тем, что они снова

и снова приходят, – во всяком случае, Журка говорил с ними, отвернувшись к стене.

– Вы, наверное, пришли узнать, когда же умрет этот старик? – изрек он. – Нет, я не ловчу, чтобы не умирать. Хочу умереть... Скажу честно вам обоим... Во сне отец мой Кейкуат прискакал на лошади и сказал: «Если я заберу тебя сейчас, в такой холод, будет трудно тем, кто придет выразить соболезнование, а также жителям, которые будут помогать... Придет весна, станет теплее, тогда и придут», – сказал он и не взял меня с собой. А я ведь был готов, надел белую рубашку, чистое белье, чапан, лисий малахай... Так и остался я с малахаем в руках. Если хватит терпения, ждите весны... Моя каша будет готова весной...

– Журеке, мы не ждем вашей смерти. Наоборот, не хотим отпускать вас на тот свет, – сказал Прали, искренне проявляя участие родича.

Журка все равно не смягчился.

– Что же я задолжал вам, что не хотите отпускать меня на тот свет?!

– Мы пришли, чтобы наш брат не обиделся, что мы не приходили справиться о его здоровье... – не успел договорить Прали, как Журка снова его оборвал:

– О боже, я же вам обещал – весной! Вы что, не верите старику, который одной ногой уже в могиле?

– Верим, Журеке... Но все равно желаем вам здравия.

Но Журка не умер и весной. Поскольку старик не умер, Прали и Алдияру пришлось снова его навестить.

То, что старик зимой лежал, отвернувшись, можно сказать, было еще цветочками – на этот раз он занял позу, целиком повернувшись к ним спиной. Даже в таком положении старик проявил недовольство, спросив хриплым голосом:

– Эй, кто это?

– Мы, ваши младшие братья Прали... Алдияр...

– Пра-али, говорите... Кто это такой? А, это сын того... Этого... Я только вспомнил. Да, был и такой, Алдияр. Ойпырмай, вы снова пришли? Весна прошла, настало лето. Хотите спросить, почему я до сих пор не умер?

– Журеке, не приведи бог... Мы просто... как родственники, хотели навестить вас... Выздоровливайте, поднимитесь на ноги... – начал сыпать Прали заготовленными словами, Журка снова пресек его.

– Два дня назад мой отец Кейкуат снова прискакал на коне к дому. Я был готов сесть позади него, надев белую рубашку, чистое белье, чапан и шапку. «Эй, сынок, оказывается, семья живет лишь на твою пенсию. Если я заберу тебя, выплаты остановят. Чем же будут питаться твои малые внуки... Твой сын, считающийся взрослым мужчиной, ходит без работы... И работы, за которую он взялся бы, пока не видать...» – вымолвив это, он стегнул плетью коня и снова ускакал... «Ой, отец... неужели я буду так ходить и бояться, что пенсию остановят, думать о том, что же будут есть мои внуки... Слава богу, дома есть одна корова и одна кобыла», – крикнул я и побежал за ним, но отец не повернулся. «Неблагодарный, думаешь лишь о себе...» – ответил он, скрываясь. Вот и все. Я снова остался один с чапаном и шапкой в руках... Как только наступит лето, старец снова придет, и если и на этот раз не возьмет меня с собой... отцу моему, Кейкуату, придется иметь дело со мной... – сказал Журка, лежа к ним спиной. – Если я выкину отца и сяду на его место, то люди, наверное, скажут: «Какой невоспитанный, отобрал коня у отца». И пусть говорят.

Когда они вдвоем вышли и направились домой, Алдияр пробурчал:

– Боже мой, он злится на давно уже покойного нашего деда.

Прали, вздохнув, сказал печально:

– У брата все мысли о том свете... Мы ему не нужны.

– Да, действительно, он даже не повернул к нам своего лица.

– Что я тебе говорю, – сказал строгим голосом Прали. – Старик давно уже попрощался с этим миром.

– Вот оно что, – промолвил Алдияр, посмотрев на небо.

По правде говоря, тогда Алдияр не понял значения слов Прали: «давно уже попрощался с этим миром». Он и не пытался этого понять. Лишь теперь ему все стало ясным.

...Алдияр со вчерашнего дня то ли два, то ли три раза вспоминал этот разговор о брате Журке, все же скончавшемся в середине того лета...

Старик вошел в дом, включил свет, подошел, не снимая сапог, к столу, взял завернутое в газету мясо, принесенное Женей, вышел во двор и положил кусок рядом с собачьей будкой. Унюхав запах мяса, собака сначала с недоумением глянула на хозяина, принесшего еду в такой поздний час, полежала немного, затем стала смотреть то на мясо, то на хозяина, а как только Алдияр направился к дому, выбежала и, разорвав газету, накинулась на пищу.

Алдияр посидел немного на диване, ломая голову над вопросом: «Когда человек умирает, ему лучше надеть новую одежду или можно умереть и в старой?» – и вдруг подумал: «Почему я твержу, что умру и умру... Почему бы мне не пойти с ружьем в чащу, ставшую логовом воров, уничтожить их всех и только потом отправиться на тот свет? Народ избавится хотя бы от трех воров. Неужели это не станет большим делом не только для маленького аула на лесистом берегу реки, но и для всего народа? Почему я не догадался об этом еще утром... Как это? Даже вчера... Почему?»

Старик, закипая злой решимостью, быстро вышел в прихожую, начал искать ружье с патронами, а когда нашел, стал искать тряпицу, чтобы их протереть, и взяв всё необходимое, вернулся в комнату.

Протирая ружье и патроны, он размышлял: «А что, если я пойду прямо сейчас, уничтожу их, валяющихся с утробой, набитой мясом моей коровы... – А потом его мысль вильнула: – Если я, пробираясь ночью в чащу, запнусь на тропе и упаду в какую-то яму...» – и это заставило его передумать.

Зарядив ружье двумя патронами, еще два отложил в сторону. Четвертый патрон он предназначал для себя. Потом, сонно разглядывая потолок дома, вспомнил о передачах, которые смотрел по телевизору ежедневно. «Воров становится больше с каждым днем... А если к моему приходу их станет не трое, а пятеро?», – подумал он и взял еще два патрона.

Размышляя обо всем этом, старик как будто заснул... Но в то же время будто бы и не спал... В таком непонятном состоянии и встретил рассвет с ощущением беспокойства.

Накинув старую фуфайку, Алдияр положил запасные патроны в карман, забросил ружье за спину, надел в прихожей сапоги и ушанку и вышел во двор.

«Выйду в рассветных сумерках, никто меня не увидит», – думал он всю ночь, утопая в смутных, как туман, думах. Собака и кошка увязались за ним, нарушив

его замыслы. Они, казалось, что-то знали и, как только старик обошел дом, последовали за ним. Он стал их ругать, кинул комом земли – кошка побежала домой, собака же не отстала. Пока старик не зашел в тугаи, начавшиеся метров через триста или четыреста, она не слушалась и шла за ним по пятам, несмотря на то что он ругал и толкал ее. Оказавшись там, старик все же прогнал собаку, швыряя в нее палки. Лучше бы он этого не делал... Как только Алдияр вошел в дремучие заросли тростника и тамариска, то услышал вой своей собаки. Завывание было таким печальным, что его пробрало до озноба. Услышав вой собаки, наверняка некоторые жители Узынарыка проснулись, а те, кто собрался читать намаз или уже суетился по хозяйству, небось подумали: «Почему воет собака? Не к добру это...» – спешно засунув ноги в калоши, с кувшинами в руках, они с тревогой, наверное, всматривались в сторону леса.

Была не только собака, вместе с ней голосил весь лес. Ну как не сказать, что вопил весь лес, если птицы из всей необъятной чащи, которую не объехать на коне, с криком взлетели вверх? Они поднялись и стали тучей летать над деревьями.

Чудилось, что, смешиваясь с ором всполощенных птиц, заголосило само небо маленького Узынарыка. Сейчас старик даже не в чашу шел, а бежал от этого небывалого ора, который с каждым шагом становился громче и преследовал его... Или ему так слышалось.

Он шел осторожно, переставляя ноги меж пней и кочек высокой травы, оставшейся еще с прошлого лета, то видных, то неразличимых во мраке веток и сучков, там и сям валяющихся среди упавших стволов. Вдруг стиснуло сердце, и из глаз полились слезы... «Бедный мой Алапар, ты что-то почувствовал, ты уже знаешь, что сегодня случится что-то нехорошее», – подумал он, удивляясь пронизательности своей собаки. На то была причина. За три дня до смерти Шекеркуль Алапар (тогда он еще был щенком) скулил, путаясь под ногами Алдияра, а в полдень завыл. Испугавшись воя щенка, Алдияр обнял его за шею, хотел приласкать, но, увидев на его глазах слезы, похолодел. Ему впервые довелось увидеть зеленые глаза у щенка (может быть, у всех собак такие глаза, он этого не знал)... Через три дня скончалась Шекеркуль.

Крайне удрученный из-за того, что оставил пса одного, Алдияр все же не отступился от задуманного. Его не смягчило даже воспоминание о смерти жены, которое неожиданно всплыло в его памяти. Хотя в душе все горело, он все же не вернулся к Алапару... Своим упорством он в самом деле напоминал человека, решившего лишить кого-то жизни. Он стал винить собаку: зачем так был, дескать, хозяин идет убивать кого-то?

Наконец, он увидел домик. Рядом не было ни души. Он стал искать двухколесный мотоцикл Пижо и легковую машину Жалтыр Кара – Баракбая. От них даже следов не осталось. Сбитая из досок дверь сторожки была закрыта.

Старик на этот раз не стал наблюдать издалека, скрываясь за густой листвой деревьев. Дошел до двери и остановился отдышаться. Вокруг царил тишина. Лишь птицы, очнувшиеся от шума, изредка метались туда и сюда.

Алдияр открыл дверь. Внутри никого, воздух холодный. На печи у стены стояли большая кастрюля, чайник... Возле печи лежали топор и нож, пиалки и тарелки, аккуратно собранные на постеленной на полу газете. На настиле из старых досок лежали ветхие одеяла и войлоки.

Этот настил в домике был давно. В те времена, когда рыбаки еще приезжали из разных краев, а Алдияр им помогал, сколько раз он ел уху, полулежа на этом самом настиле. Иногда он ночевал здесь. Если ему не изменяет память, под настилом был устроен подвал. Там рыбаки хранили удочки, сети, просоленную рыбу и запас продуктов. Алдияр, не задумываясь, поднял одну из досок и увидел неглубокую яму. На дне лежали головы его черной коровы и ее прошлогоднего теленка, рядом были головы овец, коз. Пустые бутылки от спиртного тоже находились здесь.

Алдияр немного постоял. Он не торопился закрывать яму. Глядя на головы коровы и теленка, понял – их зарезали вчера утром... До вечера варили и потом ели мясо. Праздновали успех. Под вечер выехали. Может, на туркестанский базар. Прикинув в уме время, понял, что Женя вчера пришел домой перед их отъездом.

Старик откинул доску, которую держал в руках. После того как увидел головы коровы и теленка, настроение его резко изменилось. Дрожа от гнева, он окинул взглядом раскидисто растущие деревья возле сторожки. Сняв с плеча ружье, прицелился в их сторону. Он был готов выстрелить в любого, кто покажется. В этот момент ему было неважно, вор этот человек или нет. Даже если это будет дикий зверь или пасущаяся скотина... Никто не появился. Оказывается, выстрелить из ружья, когда кипит кровь от ярости, это – счастье. Но не было никого и ничего, кроме восточного ветра и шумящей на этом ветру листвы дикорастущих деревьев...

Алдияр с ружьем наперевес обошел домик. За сторожкой ближе к реке темнели заросли камыша. Прошлогодний пожелтевший тростник торчал в разные стороны. Большая его часть лежала вповалку, одинокие камышинки плавали по воде. Дальше широко текла Дарья. Алдияр успокоился, увидев невозмутимую гладь полноводной реки, которую не видел с прошлого лета. Эта картина подавила его ярость.

Он спустился по знакомой дороге вниз, приблизился к воде и, уткнув ружье прикладом в землю, замер, опершись на ствол. Молча наблюдая за течением, подумал: «Пустили воду с Коксарая». В какой-то год он был сильно расстроен, увидев, как спала вода в реке – по дну тогда струился лишь маленький ручеек. Сейчас он был доволен. На миг старик забыл о решении уничтожить воров.

На берегу лежали две лодки. Они остались еще от тех рыбаков. Без должного ухода они рассохлись, стали совсем негодными. Весла разломались и сгнили, кто-то пытался стянуть их веревками и проволокой.

Алдияр посмотрел по сторонам и замер, увидев иву, которая накрывала кроной место окружностью примерно в юрту.

Он замер, потому что вспомнил: когда-то в молодые годы, разъезжая по делам совхоза днем и ночью, помогая с переездом в горы чабанам, он привез отсюда отросток ивы и посадил здесь. Рыбаки, заключившие с ним пари: дескать, горная ива не приживется возле этой реки, не вырастет, – были поражены, обнаружив спустя год среди других деревьев одну-единственную иву, отличающуюся своей красотой... Боже ты мой, тогда посрамленные рыбаки открыли две или три бутылки водки и шумели так, что распугали всю рыбу!

После того случая он приходил сюда еще пару раз и радовался, глядя на стройную, как девушка, иву.

Теперь Алдияр видел, что крона дерева разрослась до объема юрты. «Сколько же лет я не приходил в этот лес?» Этого точно он не мог вспомнить. Но был счастлив, как ребенок. Охваченный светлым чувством, он хотел поближе посмотреть на иву, гибкие веточки которой свисали к реке, и с ружьем на плече подошел к ближайшей лодке, толкнул ее в течение и быстро забрался на нее. Он, оказываясь, соскучился по гребле... Быстро добравшись по потоку до нужного места, повернул лодку в сторону ивы. Вместе с лодкой повернулся и сам. Сначала он глядел, сидя... Потом стоя, опираясь на весло... Радостное, как у ребенка, лицо старика вдруг похолодело. «Боже мой, это же не ива, а плачущая женщина! Она так похожа на Шырай... Сиякуль... Бибитай...» Когда в мыслях его прозвучало имя Бибитай, у старика задрожал подбородок. «Господи, а я думал, почему меня так притягивала хрупкая веточка ивы, которая растет лишь в горах? Получается, я искал памятник плачущим женам Узынарыка, женщинам, которые безутешно рыдают, несчастным, как моя Бибитай. Что там памятник... Разве это не холодный камень? А моя ива – живая. Она – словно женщина! Разве она не мать с распущенными волосами, которая жалуется на судьбу небу, луне и солнцу, реке? Разве она не моя Бибитай?...»

У старика навернулись слезы на глаза, будто он стоял перед своей Бибитай. «Дочка... Единственная моя... Я благодарен тебе за то, что ты подсказала мне, как уйти от этого суетливого светлого мира! Ты обрадовала меня в своем первом письме, написав: “Я счастлива!” Тем самым утешила меня...

Наверное, ты устала от меня, как от крикливого истощенного верблюда, который всю жизнь был прикован к телеге... Как же не устать от всего этого молодой девушке, родившейся, чтобы быть счастливой, у которой не было бы иных забот, кроме празднеств. В этой глуши возле реки ей стало тоскливо... Я же тешил себя мыслью, мол, немало же придется ей терпеть в этой клетке. Приободрял себя... Дитя мое родное, я с трудом понял это лишь тогда, когда ты сбежала из этого аула, пытаюсь найти свой путь, который привел тебя к несчастью...

Подражая тебе, ударился я в бегство, не зная, что хочу найти. Одному Аллаху известно... Мой дурной ум мне говорит: мчаться в поисках счастья – счастье, несчастья – тоже счастье. Разве не так, моя Бибитай? Теперь я к тебе буду прислушиваться, а не ты ко мне. Скажи, дочка... единственная моя... Или я ошибаюсь?»

В последнее время Алдияра томило желание нарыдаться вволю, излив до конца горе и печаль... Сначала он хотел выплакаться, глядя на закат. Потом решил излить свою печаль на кладбище у края аула, на могиле отца и матери... Но все это не отвечало его внутренним чаяниям... Он желал погоревать перед живым человеком. Тогда он подумал о Бибитай... «Господи, разве есть на свете человек, который поймет меня лучше, нежели Бибитай?» – решил он. Он так ждал приезда Бибитай в отчий дом...

Еще одним желанием было, чтобы никто, кроме Бибитай, не видел его слез, лучше бы остаться с ней наедине.

...Аллах наконец-то дал то, что он просил. «Разве может быть что-то лучше, чем такая встреча один на один?»

Словно отец, увидевший свою дочь после многих лет разлуки, глядел он растроганно на ветви ивы, ниспадающие в мутную реку и похожие на красивые косы девушки, и почти забыл о смерти, мысли о которой столько дней терзали его душу. Может, и забыл... Он даже решил вернуться домой, чтобы позвонить

Бибитай, дескать, приезжай сегодня... если не получится, завтра... Приезжай непременно. Если она по разным причинам не согласится, хотел ее напугать: «Если не приедешь завтра, не желаю больше видеть тебя». Он думал... Если Бибитай приедет на легкой машине, он приведет ее на берег реки и покажет эту иву. «Бибитай-жан, видишь? Эта ива – твое подобие, я принес ее с гор и посадил ради тебя...» – хотел бы он сказать ей. Всего лишь... «А потом Бибитай должна уехать на машине, на которой приехала?» – замер старик, спрашивая себя об этом. Нагнувшись, посмотрел на течение реки. Едва не упав в воду, стал рассматривать и другие деревья на берегу. И вдруг нашел ответ на свой вопрос: «Что, у нас с Бибитай нет тем для разговоров наедине? Не уехали же семьи, в дома которых мы должны сходить поздороваться? “Вот приехала моя Бибитай. Пришла приветствовать вас”, – пойдем к Акнур и Прали. А что, если потом под предлогом: “Бибитай хочет увидеть портреты Байшубара и Шертая”, – зайдем к Шырай? Что тут зазорного, если я сам буду сопровождать Бибитай? Напротив, они же будут глядеть во все двери и окна. Что Бибитай приехала навестить отца...»

Алдияр ни с того ни с сего воодушевился, затем обрадовался. И вновь у него появилось желание жить. Его уже не задевало то, что со вчерашнего дня он сорок раз менял свое решение. Как человек, у которого сбылась мечта, как победитель (и неважно, какая это победа), который покорила полмира, он даже заликовал, горделиво выпрямился, хотел подтянуть соскользнувшую с плеча веревку от ружья, забыв о том, что стоит на лодке, и попытался поднять левое плечо и левую ногу одновременно. Внезапно лодка под ним пошатнулась, и старик плюхнулся в воду...

О том, что здесь глубоко, Алдияр знал еще с тех времен, когда ставил сети вместе с рыбаками.

Сначала его тело вздрогнуло от холодной весенней воды. До лодки он не дотянулся и твердо решил не выпускать из рук ружье. Дрожь и холод напомнили ему о том, что он пришел сегодня сюда умереть. Но он только сейчас понял, что одно дело – думать о смерти и совсем другое – столкнуться с ней лицом к лицу.

Теперь он испугался смерти. Не осталось и следа ни от храбрости, ни от умутований. Он был в полубоморочном состоянии, не надеясь ни на смерть, ни на везучую жизнь. В какой-то миг подумал: «А жив ли еще я?...» Кажется, жив. Ноги в сапогах были тяжелыми, но шевелились. Чувствовал он и движение рук... Вокруг только мутная вода, все в тумане... Он хлебнул несколько глотков взбаламученной воды, забарахтался. Он и это ощутил...

Мысли были еще обыденными. Он не хотел тонуть сразу. Держась за веревку от ружья (он и сам не понимал, зачем он так вцепился в ружье), рванулся изо всех сил. Его голова, на которой была надета ушанка, один раз показалась над водой, он снова посмотрел в сторону ивы... Бибитай! Но не стал кричать. На мгновение мелькнула мысль, что лишь он сам проявлял заботу, был полон сострадания ко всем, а мир не был к нему милосерден. И ива, которую он считал родной, и многочисленные деревья на берегу, и птицы, летающие высоко, и облака – всем было не до него... Они словно с любопытством ждали, когда и как умрет старик. Белые облака казались холодными, деревья тихо шелестели листьями от ветра...

Пугаясь не только речного холода, но и всего света, старик, дернув бородкой, снова ушел под воду. Наглотавшись воды, обессилев от бесполезной сутолоки в потоке, Алдияр вдруг с удивлением услышал слабый голос Бибитай. Этот детский

голосок запомнился ему в год, когда умерла его жена. Они вместе с дочерью собирали в лесу ветки и прутья для шалаша и оградки в поле, где сажали дыню, и потеряли друг друга. После долгих поисков он нашел свою Бибитай, услышав ее зов. С того дня в его память глубоко врезался этот голос, вызывавший у него чувство боли и страдания. Потом даже во сне, потеряв дочку, он всегда находил ее по тому самому голосу.

Вдруг голос дочери обернулся продолжением печального воя собаки... Или этот голос изначально был воем собаки? Мысли старика запутались.

Алдияр не раз слышал на разных посиделках о том, что когда человек умирает, его душа остается живой, она вселяется в другого человека или животное. Услышав это, он задумывался о мире ином, воображая: «Господи, если моя душа тоже перейдет в другое тело, если такое случится, пусть у меня будет дом и скотный двор, как сейчас. Я больше ни о чем не мечтаю... Если Аллах не даст мне такой возможности, и я не воплощусь в подобие кроткого Алдияра, то пусть хотя бы буду собакой, как Алапар, охраняющей тот самый дом и скотный двор». Так думал он, не желая отчуждаться от привычной ему жизни...

Когда он в очередной раз хлебнул мутной речной воды, его вырвало. Изнемогая, он стал дергать ногами и руками, думая: «Хоть бы моя душа вселилась в ту собаку...» А может, она уже вселилась? Потому что он долго не понимал, откуда вырывается звук, а затем наконец догадался, что звук вылетает из его груди, из его рта. Он не верил самому себе. Лишь чувствовал, что собака попала в трудное положение, но ему было не до любимого Алапара. Его разум помутнел, однако он продолжал бороться с тем миром, от которого устал и с которым успел попрощаться, продолжал беспорядочно барахтаться. Когда Алдияр, уходя в мир иной, в поисках утешения ошалело посмотрел по сторонам, ему почудилось, что нет иных признаков жизни, кроме этого голоса.

Как бы доказывая это, на поверхности воды некоторое время снова и снова появлялись мутные пузырьки... Затем их стало мало... В какой-то миг пузырьки исчезли. Вместо них покатались волны, которые без стыда и совести взирали на мир, улыбаясь, притворяясь кроткими. И, как усмешка этого лицемерного мира, в том месте, где утонул Алдияр, играла, кружась, пена и, лихо вращаясь, танцевала камышинка, принесенная течением.

2008–2014 гг.

Перевод Аслана Жаксылыкова.

